ГРАВЮРЫ
ИРИНЫ
ТЕЛЮК

ПРЕДЧУВСТВИЕ РУСИ

СЕРГЕЙ
ТЕЛЮК

СЕРГЕЙ
ТЕЛЮК

ПРЕДЧУВСТВИЕ РУСИ

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗЫ

ГРАВЮРЫ
ИРИНЫ
ТЕЛЮК

УДК 82-3:372.3/.4
ББК 84 (2 Рос + Рус)
Т 31

Автор сердечно благодарит художницу
Ольгу Кужеватову
за помощь в завершающей стадии
подготовки иллюстраций этой книги

Директор издательства Вера Байдак
Редактор Елена Кудряшова

Художественное оформление и макет
Алексей Наумов

Из общего числа экземпляров
отпечатано пятьдесят
не для продажи
с подписью автора
и приложением оригинальной гравюры

Сергей Телюк
Предчувствие Руси: Легенды и сказы / Иллюстрации Ирины Телюк;
Послесловие Льва Аннинского. — М.: Октопус, Книгарь, 2012. — 128 с.

ISBN 978-5-94887-095-2
ISBN 978-5-904691-03-5

© Телюк С. Ю., 2011
© Телюк И. В., наследники, 2011
© Издательство «Октопус», 2011

Подписано в печать 15.02.2012. Формат 70x100/16. Печ. л. 8. Тираж 2000 экз. Заказ

ООО «Издательство «Октопус»; 119021, Москва, Комсомольский пр-т, д. 14/1, стр. 3;
при участии ООО «Книгарь»

Отпечатано в типографии «Ульяновский дом печати»,
филиале ОАО «Первая образцовая типография»; 432980, Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

ПАМЯТИ
ИРИНЫ
ТЕЛЮК

сказы
о пра
сла
вя
нах

Я вглядываюсь
в прошлое
с позиции истца.
Я разыскиваю
следы родни
повсеместно
я хочу знать,
что было
до рождения отца,
но это почему-то
никому не известно.
И я ощущаю себя
безымянным
ручьём.

С
Ю
прагерманские племена
Янтарное море
Условная территория обитания праславян
(Днепр)
Прабалты
аркона
о. рана
ретра
Поморяне
Лужицкие племена
Лаба
Одра
Вистула
Милоградские племена
Комаровские племена
Буг
Подгородецкие племена
Чернолесские племена
Кельты
Дунайские (Праславяне)
(Днестр)
(Тиса)
(Прут)
Агафирсы
Озериаты
Иллирийские племена
Раннефракийские племена
Истр (Дунай)
Траллы
Киммерийцы
(Днепр)
Тавры
Понт Эвксинский
ИВАН ДН. Э.

СКАЗ
О СВАРОЖИЧЕ[1],
праславянском
герое,
и о его подвиге

Славянский языk ни от греческого,
ни от латинского, ни от какого другого
не происходит, следовательно,
сам собою состоит уже от самых
древних времён, и многочисленные
оные славянские народы говорили
славянским языком ещё прежде
Рождества Христова.

М. В. Ломоносов

i.

О, слуху привычное косноязычие нынешних дней!
Как трудно в начале сказания... Чу! Слышен топот коней.
Теушпа, вождь киммерийский[2], насытившись грабежами,
через перевалы Карпатские гордо уходит назад,
в раздольные степи, в безлесье, где нет надоевших засад...
А между Вистулой[3] и Одрой (древними рубежами)
вновь сходятся в поселения, покинутые степняком,
те лужицкие соплеменники[4], кто пересилил разгром.

ii.

Средь них Святовит[5] из поморья, знатнейший из всех заводил,
смертельность ранений почувствовал и временем дорожил.
Гонца к родне чернолесской[6] послал тропой сокровенной —
на помощь ему сын Сварога отряды повёл на закат.
И вот по-над Одрой-рекою на полночь[7] собратья спешат...
Но поздно. В Янтарном море[8] с вершины горы священной
развеивается по ветру великого ратника прах.
И пепел парит, как когда-то он сам, в дерзновенных мечтах.

iii.

Сварожич, наследник, Арконе[9] что́ буйство стихии морской,
когда от набега кочевников в крае потерян покой?..
Пора обновлять городища, вытоптанные пашни,
и надобно кузницы строить — оружие должно ковать:
железной руды здесь в достатке, лишь мастеровых подыскать...
Заботы умерят память, хранящую день вчерашний.
Привык в лихолетья минувшие так возрождаться народ,
однако ты, всё понимая, таишь заготовленный ход.

iv.

Ведь снова Теушпа готовит для дерзких походов орду,
снуёт, будто званый на пиршество, на боевую страду.
Подумал Змей киммерийский[10] — людская молва несётся;
шагнул — и вступил в Прикарпатье, в леса комаровских племён[11] —
уже полыхают селения (весь род на смерть обречён);
а дальше — к Янтарному морю, как издавна ведётся...
Тем бедам Сварожич внимает и жаждет врагу дать отпор —
умело следит за противником неутомимый дозор.

v.

К слиянию Буга и Нарева вышел надменный чужак.
Для ждущей засады сигналом служил обусловленный знак —
возникли пешие рати из тихой дымки вечерней...
Тут время свой бег замедлило, отсрочив резню до утра
ненадолго скрыла враждебные станы ночная пора...
С рассветом атака ордынцев грянула правомерней.
Да только родня Святовита удар отразила сполна,
а их чернолесские братья свершили разгром дотемна.

vi.

О, юный Сварожич, будь славен — ты гордость Сварога-отца!
Ответ киммерийцам настырным не хуже речей мудреца...
Лихая первоначальность величественной дороги.
Позднее нахлынули скифы, и в битве, в последний свой час,
сразив их царя, ты сородичей от разорения спас.
Потом набеги возглавит Мадай[12], продолжатель строгий —
об этом иное сказание... Ты ж вознесёшься к богам,
и в Ретре[13] твоё изваяние встанет в языческий храм.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Сварожич — сын Сварога, причисленный к языческим богам. Сварог — предположительно легендарный предок (Богатырь-Кузнец, Волшебный Кузнец) праславян, ставший после смерти языческим богом, покровителем кузнецов и всего ремесленного люда, первым помощником воинов.

2.

Киммерийцы — пришедшие из Нижнего Поволжья кочевники (Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976), жившие в XI–VIII вв. до н.э. в Северном Причерноморье (северные побережья Чёрного и Азовского морей, включая Крым). На рубеже VIII–VII вв. до н.э., теснимые скифами, захватили значительную часть Малой Азии, где смешались с местным населением.

3.

Вистула — древнее название реки Вислы.

4.

Лу́жицкие племена — условное название праславян (ареал лужицкой культуры: около XIII–IV вв. до н.э.), живших между верхней и средней Эльбой (Лабой) и Вислой, включая северные районы Среднего Подунавья, а также Балтийское поморье между Одрой и Вислой. Название дано по области Лужица на юго-востоке современной Германии.

5.

Святовит — предположительно легендарный вождь поморских (лужицких) праславян, ставший после смерти языческим богом. Святилище Святовита находилось в городе Аркона, главном на острове Рюген (Рана, Руяна, Руян, Буян), и было разрушено датчанами в 1168 г.

6.

Чернолесские племена — условное название праславян (ареал чернолесской культуры: X – начало VII в. до н.э.), живших севернее киммерийцев в лесостепи от Среднего Днепра до верховьев Буга.

7.

На полночь — на север, в северную сторону (на полдень — на юг, в южную сторону).

8.

Янтарное море — древнее название Балтийского моря.

9.

Аркона — см. примечание 5.

10.

Змей киммерийский — имеется в виду предположительное собирательное имя киммерийцев, а позднее — скифов (Огненный Змей, Змей Горыныч), именованных праславянами так, вероятно, потому, что все захваченные либо непокорённые поселения сжигались ими для устрашения противной стороны.

11.

Комаровские племена — условное название праславян, живших юго-западнее чернолесских племён, чья культура известна с XVII в. до н.э. на Правобережье Днепра, в Южном Побужье и в лесостепной полосе Днестра. Остатки комаровских племён исчезли в VIII в. до н.э.

12.

Мадай (Мадий) — скифский царь, живший в VII в. до н.э. (см. также примечание 2 к «Сказу о сколотах»).

13.

Ретра — стольный град редарей, поморских праславян (позднее — венедов), на левобережье Одры, в котором находился большой храм в честь языческих богов.

Из «Деяний священников Гамбургской церкви» Адама Бременского:

- «Град их (редарей. — Авт.) известен повсюду — Ретра, седалище идолопоклонничества. Большой храм построен там демонам...»

Из «Хроники» Титмара Мерзебургского:

- «Есть в области редарей некий город... треугольной формы, с тремя воротами. Его со всех сторон окружает большой лес, для местных жителей неприкосновенный и почитаемый. Двое ворот города открыты для всех входящих; третьи, самые малые и обращённые на восток, ведут к морю, лежащему неподалёку и ужасающему на вид. В городе нет ничего, кроме святилища, искусно построенного из дерева... Внутри него стоят рукотворные божества, устрашающие, наряженные в шлемы и кольчуги, и на каждом вырезано его имя. Главный из них зовётся Сварожич, все язычники почитают его и поклоняются ему больше, чем всем другим».

Из Н. М. Карамзина:

- «Как бы то ни было, но венеды или славяне языческие, обитавшие в странах балтийских, знали употребление букв. Дитмар говорит о надписях идолов славянских: ретрские кумиры, найденные близ Толлензского озера, доказали справедливость его известия; надписи их состоят в рунах, заимствованных венедами от готфских народов. Сии руны, числом 16, подобно древним финикийским, весьма недостаточны для языка славянского, не выражают самых обыкновенных звуков его и были известны едва ли не одним жрецам, которые посредством их означали имена обожаемых идолов».

С
Ю
Янтарное море
Эстии
Балты
Андрофаги
Верхне Днепровские Праславяне
Глужицкие плеллена
Вистула
Не
Врида
Скоропы
Салабат
Тирас
Гипанис
Княжья гора
Пастырское
Пирет
Вахы
Зал
Невы
Скифы
Борисфен
Будины
Геломы
Фиссагеты
Агафирсы
Геты
Истр
Меотийское озеро
Таврика
Тавры
Мадай
Понт Эвксинский
Фракия
Эллада
Византий
Пафлагония
Лидия
Мидия
(Ассирия)
Саспейры
Урарту
Иван Ов Э.

СКАЗ
О СКОЛОТАХ[1],
праславянском народе,
и об их противостоянии
скифам

Нам дороги родители, дороги дети, близкие родственники; но все представления о любви к чему-либо соединены в одном слове — Отчизна. Какой честный человек станет колебаться умереть за неё, если он может принести этим ей пользу?

Цицерон

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

i.

Да, сгинул Змей киммерийский, но скифы[2] тоже сильны...
Эй! Слушайте, поселяне лесостепной стороны!
Старейшины и жрецы решили на сходе своём,
кого из двух легендарных братьев звать главным вождём
(теперь Колаксарово[3] имя повсюду войдёт в обиход).

ii.

«Четыре сколотских племени — нераздельный народ, —
так средний брат Арпоксар сказал, признавая отвод. —
Лишь дочери у меня, а скоро ведь семьдесят лет...
Вот младший — другое дело. И ясно, тут спору нет,
ему быть верховным радетелем нашим полям и лесам».

iii.

Их старший брат Липоксар не мог обнаружиться сам,
в недавнем бою сражённый, — на зов явился к жрецам.
Хоть в лужицкой стороне врага уж развеяли в прах,
но жив наследник — Мадай, — его беспокойство в глазах
ретиво, как сердце весною. И пляшет под ним жеребец...

iv.

Спешит к препятствиям «Змиевым»[4] повелитель-юнец,
среди соратников скачет — достиг-таки наконец
левобережья Гипаниса[5]: с ходу взяли валы —
подобно из поднебесья цель атакуют орлы.
Дружины сколотов попятились к чащам Тисмени-реки[6].

V.

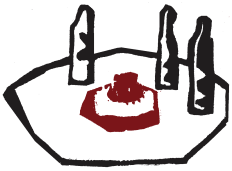
Остались в поселениях лишь дети, да старики,
да женщины — так решили, хотя и не по-мужски...
Не скрылись и отступавшие. Где-то на полпути
рискнул Колаксар в Пастырское[7] своё войско вести,
надеялся на покровительство кровной Сварожьей земли.

VI.

И — чудо! С Роси-реки[8] на выручку рати пришли.
И неуёмные скифы дрогнули, вспять потекли:
великая сеча вышла — вороны граяли там
при виде множества трупов, лежащих по сторонам.
Бежал Мадай на полдень, не пересилив ответный удар.

VII.

Слава богам всемогущим — вправду бесценен их дар!
Слава погибшим за Родину! Славен будь Колаксар!
На тризну всех созывают — пращуров и земляков —
так будет и ныне, и присно, и во веки веков...
А всякий же сеятель зла — пусть останется с ним навсегда.



ПЕСНЬ ВТОРАЯ

i.

Ох, время летит, Колаксар! Не щадит и почтенных седин...
Твои сыновья из юнцов превратились в беспечных мужей.
Припомни, ты в бытность вождём управлялся с врагами один —
нет больше защиты такой у отечественных рубежей.

ii.

Чего не услышишь о младшем — он до сих пор баламут.
Недавно, к примеру сказать, из Ольвии[9] вывез жену —
любя, Василисой Прекрасной в народе её зовут...
Но лишь молодецкая удаль навряд ли спасёт страну!

iii.

Завистливы старшие: славен их брат на сколотской земле.
Придиркам не видно конца, всё о мелком твердят, о своём —
не слышат походного лязга в ближайшей степи, в ковыле
уже и разъезды противника стали промелькивать днём.

iv.

Пора?! Дождались! Видно, принято так обращать в рабов...
У старших-то рать в окружении, сами они в бегах.
Оставлены их соплеменники на милость степняков —
заранее было понятно, что братья потерпят крах.

v.

Вы ж, рынки невольничьи, ждите — пополнится людом поток
с брегов Тисмени, Гипаниса, с равнинных участков и гор...
Над старым и малым, как прежде, теперь тяготеет злой рок,
а вот с непокорным — известно — захватчик расправою скор.

vi.

И тут младший сын Колаксара k Мадаю приехал в стан...
«Я знаю, — cказал он, — за мо́ре ты хочешь орду вести.
Послушай, зачем тратить силы напрасно, хоть я не зван —
готов со своею дружиной в нелёгкий поход пойти!»

vii.

Ох, время летит... От печалей слепцом Колаксар стал давно.
И нет сыновей, ведь двух старших kазнил возмущённый народ,
а третьему — в далях полуденных всё пребывать суждено...
Зато не тревожат cколотов набеги kоторый уж год.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

i.

Боспор Киммерийский[10]... Скифы вернулись, хотя их дорога трудна.
Стада, лошадиное топотанье — накатывают, как волна,
и силою множатся: чудится Таврика[11] там, за пределами льда...
Безбрежность зимы вопрошает Мадая: «Зачем ты вернулся сюда?»
Владыкам — вопросы?! Можно ль? Неслыханно. (Чутко безмолвны снега.)
Боспор Киммерийский... Катят подводы упрямо — и вся недолга.

ii.

Пролив позади — за солнцем, на родину тянется конницы цепь.
Гортанные окрики зазывают в пространства срединные, в степь.
И вдруг предстаёт безусловной преградой
огромный заснеженный ров...
Мадай удивился. На полночь, на полдень послал два отряда бойцов
(одних — к Меотиде[12] зыбкой, других ожидали подножия гор).
Дозорные очень быстро вернулись угрюмые, словно в укор.

iii.

Отлучке почти тридцать лет, но дома — участь совсем не легка.
Ничтожна привычка к рабам и злату, присланным издалека,
особенно бесполезное дело, когда не хватает любви...
Что имя царице? Сердце томлением полнится, лишь позови,
конечно, измена тут не в отместку — в этом таится судьба.
Не всякий способен терпеть, в разлуке женщина плотью слаба!

iv.

От скифских жён и рабов разноликих вот уж потомство растёт.
Понятно: беде, коль мужья вернутся, загодя нужен расчёт,
недаром враги пред ними трепещут в немыслимо чуждой дали...
Могучего сына цареотступницы вскоре вождём нарекли.
Сражаться решили на общем сходе, рвом рассекая простор
от вод Меотидского озера до склонов Таврических гор[13].

v.

О, что за неведомая строптивость бессмысленных бунтовщиков,
каких-то коварных отпрысков, вовсе не смыслящих в сечах юнцов —
напрасно искуснейших воинов
к смертному штурму склоняет вражда...
Повторно зима вопрошает Мадая: «Зачем ты вернулся сюда?»
И царь побледнел, и вспыхнул от гнева, перстом указав на восход.
Боспор Киммерийский, слышишь:
то скифская конница мчится в обход.

vi.

Но рядом не скачет их друг-соратник, известный ордынцам сколот
(его отец Колаксар легендарен средь Причерноморских широт[14]).
Возможно, за рвом ждут собратья...
Он с верной дружиной на помощь спешит,
и горе отрядам союзников бывших — любому погибель грозит.
Без малого тридцать лет миновало в походах по дальним краям:
нет счёта победам, тризнам, а также нет счёта увечьям, смертям.

vii.

Да, в Таврику вновь степняки вернулись, преодолев Перекоп —
нахлынули, сбив заграждения вмиг, и разлились, как потоп...
Тогда и сошлись на вольном просторе познавшие битвы дружки,
вчерашние сотрапезники, в кровопролитных делах мастаки.
Сколот вызывает сражаться скифа, тот отвечает ему —
и все расступаются между ними, не удивляясь тому.

viii.

Владыка, припомни мидийский пир[15], а с ним — кто себя не щадил,
когда на закорках тебя хмельного от лжедрузей уносил...
И сын Колаксара, став избавителем, вряд ли жалеет о том,
придя в твой стан без оружия...
Только престранно безмолвно кругом.
Послушай, неужто об этом боги предупреждали тогда:
означенный час наступил!.. Мадай, зачем ты вернулся сюда?

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Сколо́ты: паралаты (парадаты), катиары, авхаты (иногда авхаты-бужане), траспии — праславянские племена, пришедшие на смену чернолесским племенам (см. примечание 6 к «Сказу о Сварожиче») и входившие в Сколотский союз — объединение племён VII–III вв. до н.э., живших севернее скифов в лесостепи от Среднего Днепра до Карпатских гор. Из «Истории» Геродота нам известно, что вождями у сколотов были братья: старший — Липоксар (Липоксай) — вождь авхатов; средний — Арпоксар (Арпоксай) — вождь катиаров и траспиев; младший — Колаксар (Колаксай) — вождь паралатов.

2.

Скифы — ираноязычные кочевые племена, вытеснившие киммерийцев из Северного Причерноморья на рубеже VIII–VII вв. до н.э. и жившие там по III в. до н.э. В дальнейшем сарматское нашествие загнало большую их часть в Крым, а меньшую — вытеснило за Нижний Дунай, где они, захватив фракийские земли (ныне район Добруджи), находились относительно длительный период. После разгрома готами (III в. н.э.) продолжавшего существовать в Крыму Скифского государства окончательно растворились среди древних племён.

3.

Колаксар (Колаксай) — легендарный вождь сколотов (см. примечание 1).

4.

«Змиевы валы» — имеется в виду укрепление, протянувшееся от Среднего Днепра до предгорий Карпат, состоявшее из глубоких рвов и высоких земляных валов, по всей видимости, предназначенное для защиты от набегов кочевников.

5.
Гипанис — древнее название реки Южный Буг.

6.
Тисмень — древнее название реки Тясмин (правого притока Днепра).

7.
Пастырское — условное название одного из крупнейших городищ сколотов, находившегося на речке Сухой Ташлык (притоке Тясмина).

8.
Рось — река, правый приток Днепра.

9.
Ольвия — античный город (VII в. до н.э. – IV в.н.э.) на берегу Днепробугского лимана; остатки у села Парутино, к югу от Николаева.

10.
Боспор Киммерийский — древнее название Керченского пролива.

11.
Таврика (Таврида, Таврия) — древнее название Крымского полуострова.

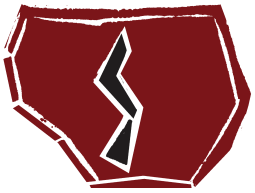
12.
Меотида (Меотидское или Меотийское озеро) — древнее название Азовского моря.

13.
Таврические горы — древнее название Крымских гор.

14.
Причерноморские широты — имеется в виду Северное Причерноморье (см. примечание 2 к «Сказу о Сварожиче»).

15.

Мидийский пир — имеется в виду «Киаксаров пир», устроенный мидийским царем Киаксаром (время правления: 625–585 гг. до н.э.), на котором по его приказу были убиты многие из союзных скифских вождей, в результате чего большая часть скифов покинула Переднюю Азию после 28-летнего господства. Точная датировка этого события затруднена, по одной версии это случилось в 605 г. до н.э.



Эстии
Янтарное море
Балты
(Неман)
Верхне-днепровские праславяне
Андрофаги
Нарев
Буг
Припять
Вистула
Венеды
Турья
Стоход
Стырь
Горынь
Скол
оты
Тирас
Пирет
Гипанис
(Тиса)
Валы
Змиевы
Скифы
Агафирсы
Ольвия
Никоний
Борисфен
Тира
Понт
Эвксинский
Истр
Таврика
Геты

СКАЗ
О НЕВРИДЕ[1],
праславянском крае,
и о гибели
скифского царя Арианты[2]

Рассказывая это (о неврах. — Авт.),
они меня не убеждают, но они
тем не менее рассказывают и,
рассказывая, клянутся.

Из «Истории» Геродота

i.

Неврида... Страна первобытных лесов... Неведомых рек
с названиями, что сродни колдовским журчаниям вод,
сродни заклинаниям: Стырь, Горынь, Турья... Нарев, Стоход[3]...
О, жители здешних невридских болотин, чуден ваш век
средь леших и нимф, средь ветвистых речушек и ручейков,
средь множества троп и тропинок... Для алчных, для чужаков
таинственны эти места. Эй, остерегись, человек!

ii.

Бессмысленно... Запах пожаров с полуденной стороны,
вблизи от истока Стыри разъезды скифов заметны.
Их царь Арианта, вспомнив кураж — обычай заветный, —
решил поразвлечься на славу, совсем не зная цены...
Последователь Мадая, надменный степной властитель,
повергший в разор Урарту[4], и прочих судеб вершитель —
повытоптав пашни у траспиев[5], вновь искал глубины.

iii.

Вошёл. Так пловец осторожный вступает в морок реки,
в пределах дерев растревоженных дальше надо идти...
Ни жителей, ни поселений не встретилось на пути.
Чу! Даже звериных повадок не ведали степняки,
когда промелькнули тенями две рыси: нету следов...
Среди удивлённых пришельцев не стало двух седоков —
исчезли, как будто бы жили реальности вопреки.

iv.

Вот вечер... И снова две тени — соратники начеку:
блеснул акинак[6] на мгновение, рассекая одну —
пал зверь окровавленный под ноги скифскому скакуну.
Но кто этот юноша? Невр со смертельной раной в боку...
И загомонили ордынцы шумней листвы на ветру:
«Он оборотень... Неужели?!» — вдруг слышалось ввечеру,
подхватывалось эхом. И возвращалось: «У-у-у-у...»

v.

А лишь рассвело — и к болоту нежданно вышел дозор.
Явился посёлок пред ними, казавшийся миражом.
Настилы тянулись лучами (не подступиться кругом),
пахнуло жильём и покоем иным повадкам в укор...
Сказал Арианта: «Всем к бою!» Вмиг стался пешим отряд:
сразиться казалось несложно на неразборчивый взгляд.
И заколыхалась трясина пришедшим наперекор...

vi.

Вдруг вой, словно волчий, протяжный, нарушил зыбкий покой.
Взметнулись от невров стрелы, а скифы ринулись в битву —
ритмичные крики, ругань слились вдруг разом в молитву,
и жизнь, означавшая силу, бойцам годилась такой...
Уже роковой рубеж чужой царь обходит победно,
пылает ещё твердыня, стоявшая заповедно...
Но гати исчезли. Дороги тут не было — никакой!

vii.

Неврида... Страна первобытных лесов... Неведомых рек
с названиями, что сродни колдовским журчаниям вод,
сродни заклинаниям: Стырь, Горынь, Турья... Нарев, Стоход...
О, жители здешних невридских болотин, чуден ваш век
средь леших и нимф, средь ветвистых речушек и ручейков,
средь множества троп и тропинок... Для алчных, для чужаков
здесь тайной пронизано всё... Эй, остерегись, человек!

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Неврида — территория, населявшаяся праславянами (неврами), по берегам рек: Буга, Нарева и Припяти с её притоками (ареал культуры: начало VII–III в. до н.э.).

2.

Арианта — скифский царь, живший в VI в. до н.э.

3.

Стырь, Турья, Горынь, Стоход — притоки Припяти; Нарев — приток Буга.

4.

Урарту — древнее государство IX–VI вв. до н.э. на территории Армянского нагорья (столица — Тушпа, современный Ван). Завоёвана Мидией в VI в. до н.э.

5.

Траспии — одно из племён сколотов, живших вдоль Днестра вплоть до предгорий Карпат (см. примечание 1 к «Сказу о сколотах»).

6.

Акинак — короткий (40–60 см) железный меч скифов.

СКОЛОТСКИЙ СОЮЗ
АГАФИРСЫ
ГЕТЫ
ТИРАС
СКИФЫ
ГИПАНИС
ГЕЛОНЫ
БОРИСФЕН
ОЛЬВИЯ
НИКОНИЙ
МЕОТИЙСКОЕ ОЗЕРО
ТАВРИКА
ТАВРЫ
БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО
ИСТР
КЕЗКИНИТИДА
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ
ФРАКИЯ
ЭЛЛАДА
ФЕРМОПИЛЫ
МАКЕДОНИЯ
ВИЗАНТИЙ
ГЕРАКЛЕЯ
О. ЛЕСБОС
ОЛИНФ
АФИНЫ
МИЛЕТ
ЭГЕЙСКАЯ ДЕРЖАВА

ОЛЬВИЙСКИЙ СКАЗ, повествующий о скифском царе Скиле[1]

Солёную рыбу свези домой и равное количество связок для неё; и пусть никто не занимается твоими делами, кроме меня; и, конечно, тщательно следи за волами; и узнай, кто будет платить дань скифам.

Письмо Апатурия Невмению[2]

i.

Да, Ольвию знают вдали от родных берегов,
собравших сколотов и эллинов... и степняков.
Плывут караваны с хлебом по Борисфену[3] сюда,
а из благодарной Эллады морем шлют города
узорные ткани Милета, посуды Афин...
и с острова Хиос — великое множество вин.

ii.

Будь славен вовеки, царь Скил! Твоя персона важна,
с безропотной Ольвии дань всегда сбираешь сполна.
Однако, сколь это ни странно, люб тебе здешний уклад,
в привычку вошло пить вино среди самозваных менад[4],
и в их Дионисиях шумных ты, конечно, знаток...
(Собратьям о том ни гугу, ни звука — просто молчок.)

iii.

И вот не как водится, а шесть недель напролёт
владыку в предместье рать безоговорочно ждёт...
Ордынская знать недовольна и, возможно, права:
понятно, что им неважны заморские божества.
Тут борисфенитам[5] и не на кого попенять,
ведь если промедлить — набеги начнутся опять.

iv.

Решённое дело. В Таврику отрядили гонца,
где всё-таки выслушали сколотского удальца...
И после недолгой заминки, трепетной для смельчака,
мудрейшие скифы решили действовать наверняка —
послать наблюдателей тайных в Ольвию из орды,
чтоб, удостоверясь, не допустить возможность беды.

v.

Там между безумцев они разглядели царя.
Кричал он: «Эвоэ!»[6] — неистово благодаря
престранного бога, в тот час вселявшегося в него,
и в мерзостной пляске крутясь, не замечал ничего.
«Виновен», — суровым был вынесенный приговор...
У скифов брат Скила владыкою стал с этих пор.

vi.

Мир, словно весенний дух, полнился по скифским степям —
купцы вместо войск отправлялись к чужедальним краям,
а эхо когда-то лихих сражений в былое ушло...
Так славься же новое время и процветай ремесло!
Теперь вокруг Понта Эвксинского[7] дел невпроворот:
да здравствует впредь освоение угрюмых широт!

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Скил — скифский царь, живший в V в. до н.э. и казнённый своим братом (около 450 г. до н.э.).

2.

В качестве эпиграфа использовано одно из прочтений древнегреческого письма, обнаруженного на обломке стенки амфоры в 1984 г. в процессе раскопок восточной окраины Керкинитиды (Евпатория). Письмо отнесено к V в. до н.э.

3.

Борисфен — древнее название реки Днепр. В Ольвию зерно попадало из приднепровских земель сколотов. Из причерноморских городов в Древнюю Грецию ввозилось колоссальное количество зерна. Так, оратор Демосфен в своей речи (355–354 гг. до н.э.) говорил о том, что ежегодно только из Боспорского царства в Афины доставляли более 400 тыс. медимнов хлеба (около 1 млн пудов).

4.

Менады — в древнегреческой мифологии спутницы Диониса, бога плодоносящих сил земли, растительности, виноделия. Дионисии — празднества в честь Диониса.

5.

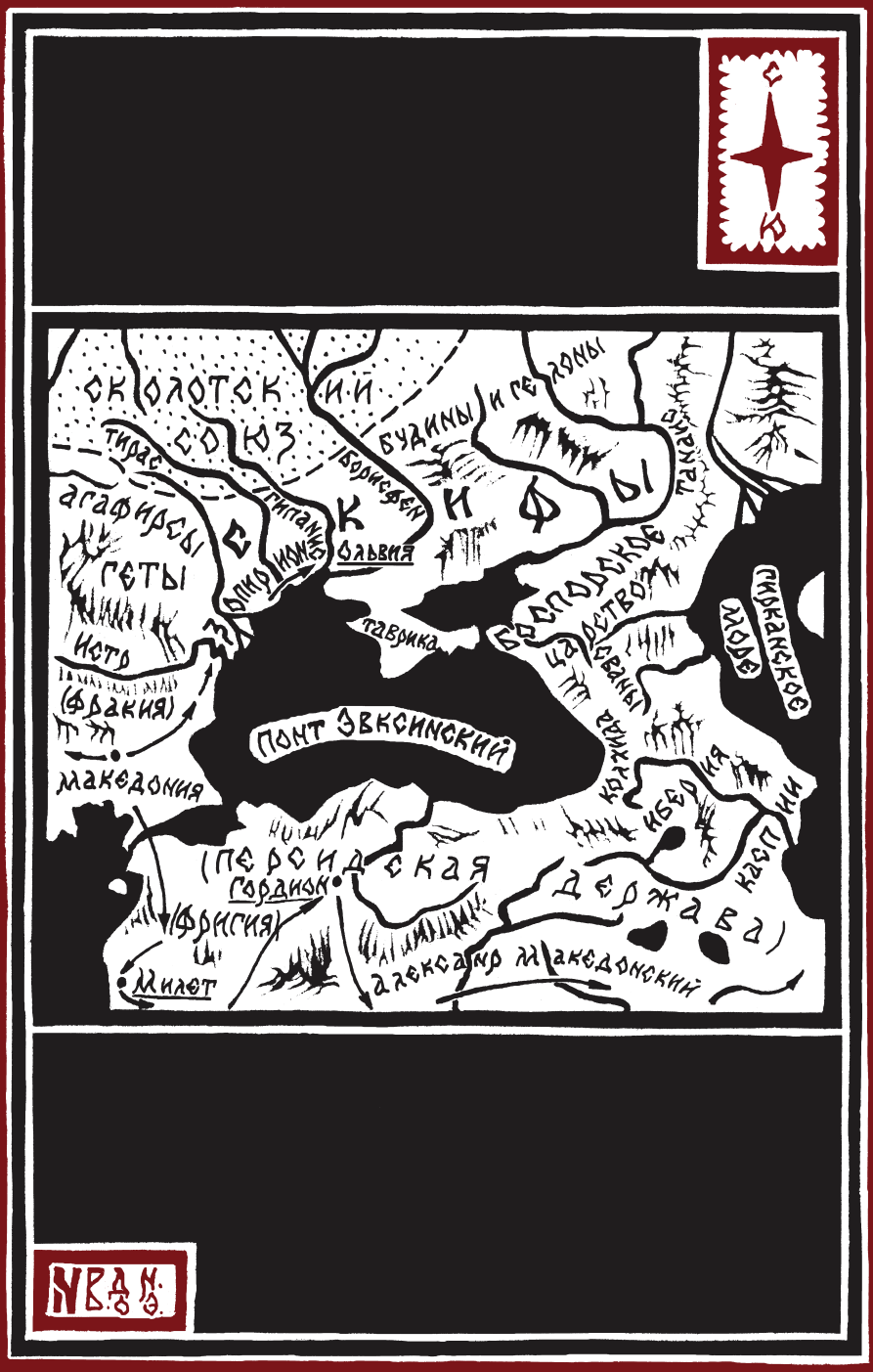
Борисфениты — предположительно сколотские купцы, приднепровские праславяне-пахари.

6.

«Вакх, эво́э!» — многократное восклицание, сопровождавшее Дионисии и воздававшее хвалу Вакху (Дионису).

7.

Понт Эвксинский — древнее название Чёрного моря (букв. — гостеприимное море).


С
Ю
СКОЛОТСКИЙ СОЮЗ
БУДИНЫ И ГЕЛОНЫ
ТИРАС
БОРИСФЕН
ГИПАНИС
ТАВРЫ
АГАФИРСЫ
ГЕТЫ
С К И Ф Ы
ОЛЬВИЯ
БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО
ГАВРИКА
ИСТР
(ФРАКИЯ)
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ
МАКЕДОНИЯ
КОЛХИДА
ИБЕРИЯ
КАСПИЙ
(ПЕРСИДСКАЯ ДЕРЖАВА)
ГОРДИОН
(ФРИГИЯ)
МИЛЕТ
АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

СКАЗ
О ЗОПИРИОНЕ,
полководце Александра Македонского,
и о гибели его войска[1]

Охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиняться. Такого рода война по природе своей справедлива.

Аристотель

i.

Издревле жить в мире непросто. Так было всегда.
Чуть что — пыль клубится, дела словно сажа бела...
Война! Невозможно укрыться от этого зла,
особенно, если грядёт из-за Истра[2] беда...
Встревожился Северный Понт[3], ожидая невзгод,
и хлынула Скифия[4] вспять, отходя на восход.

ii.

Притом порождённая паникой катит молва...
Уже — сдались полисы близ устья Тирас-реки[5].
Тут Зопириону почёт, с ним всесильны полки!
А он Александра чтит — не время для торжества, —
согласно приказу с утра дальше двинется рать:
«Незыблемо: варвары в рабстве должны пребывать».

iii.

Год канул как в Лету — вкруг Ольвии[6] станом войска
(понятно, непросто ведутся осады, когда
защитники насмерть стоят за свои города)...
И в расположение лагеря вкралась тоска:
ни золота здесь, ни поживы, ни ценных рабов —
да, местный предводитель мудрее их знатоков.

iv.

Чу, шум. Ликование за неприступной стеной,
ведь на побережье, где зреет начало страстей,
сколотские воины высадилась без затей.
Свирепо ударили стрелы по цели одной,
хоть толком не рассвело, травы покрыты росой —
вмиг третью часть эллинов срезало, будто косой.

V.

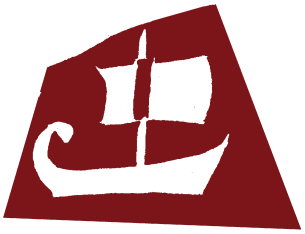
«Незыблемо: варвары в рабстве должны пребывать...»

Тараны поспешно оставив — забыв, кто он есть, —
спесивый стратег воевать передумал. Но весть
быстрее бежала, чтоб каждый про это мог знать, —
и в Гетскую[7] степь под конец сообща завели
нелепого ворога Причерноморской земли.

VI.

Там скифам раздолье, коль встреча была суждена...

Чужая бескрайность погибельна наверняка:
где кружит смертельным кольцом конница степняка,
где тучи отравленных стрел, и любая — точна.
Суровы военные дни, трудна эта пора —
и лишь к победителям явным судьба предобра.



ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Поход Зопириона, испытанного военачальника и македонского наместника во Фракии и Фригии, по ошибочному плану Александра Македонского должен был пройти по северным берегам Чёрного моря и завершиться соединением с главными силами в Азии. (Учёные, бывшие в свите Александра Македонского, убедили его: встретившаяся ему Яксарт (Сырдарья) и Танаис (Дон) — одна и та же река.) Эти события происходили в 332–330 гг. до н.э. По свидетельству античных историков Помпея Трога и Павла Орозия, тридцатитысячное войско, вторгшееся в скифские владения, было полностью уничтожено. Не вернулся домой и сам Зопирион.

2.

Истр — древнее название реки Дунай (Нижний Дунай).

3.

Северный Понт — имеется в виду Северное Причерноморье.

4.

Скифия — Скифское государство, объединение народов Северного Причерноморья во главе со скифами, образовавшееся в IV в. до н.э.

5.

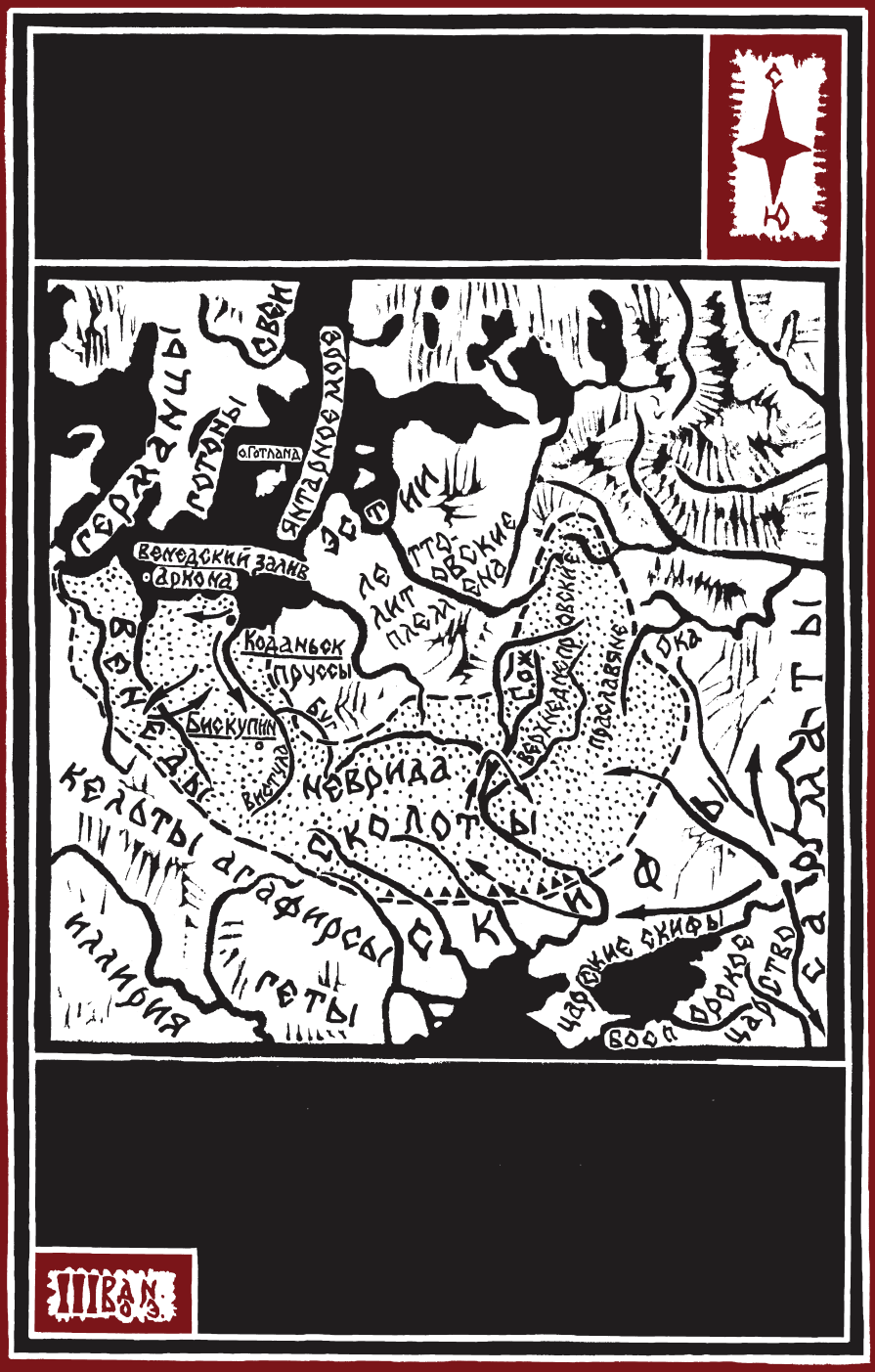
Тирас — древнее название реки Днестр.

6.

Осада Ольвии длилась полтора года, с 331 по 330 гг. до н.э.

7.

Гетская пустыня — древнее название Буджакской степи в Северо-Западном Причерноморье (область между Днестром и Прутом — позднее стала известна как Бессарабия).



С
Ю
Германцы
Готоны
Свеи
о.Готланд
Янтарное море
Эстии
Венедский залив
Аркона
Коданьск
Пруссы
Бискупин
Буг
Вистула
Неврида
Сколоты
Венеды
Кельты
Агафирсы
Геты
Иллирия
Скифы
Сож
Верхнеднепровские
Праславяне
Ока
Сарматы
Царские скифы
Боспорское царство

СКАЗ
О РАДИМЕ И ВЯТКЕ,
повествующий
о готонском и сарматском
нашествиях

Радимичи и вятичи от ляхов[1].
Было у ляхов два брата —
Радим и другой Вятко.
Пришёл и поселился Радим по Сожу
и от него назвались радимичи,
а Вятко сел с родом своим по Оке,
от него назвались вятичи.

Из «Повести временных лет»

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

i.

Венеды[2] — плоть лужицкая и кровь —
потомки преславного Святовита,
известна ли вам счастливая новь,
в которую вера столь плодовита,
что сказок об этом не перечесть?
И всё-таки изменения есть...
Молва мореходная деловита,
известно: Венедскими[3] нарекли
просторы морские близ их земли.

ii.

Светает. Ещё над Коданьском[4] туман.
Слышна подготовка морского дозора.
Уже и приказ к отправлению дан —
отчалили, вышли в залив для обзора
младые дружинники. Главный — Радим,
доселе меж сверстников несокрушим.
Уверенный, словно не ведал позора...
Слова и поступки — всегда напрямик...
Но, чу! Отдалённый послышался крик.

iii.

На миг воцарилась вокруг тишина.
Был следом за этим Коданьск атакован.
Радим, участь бьющихся предрешена —
да только твой выбор вполне обоснован
(понятен тебе вопиющего глас,
в сражении старший брат Вятко сейчас)...
Благими порывами шаг продиктован:
негоже спасаться, коль рядом беда!
За вёсла взялись — забурлила вода.

iv.

В ответ — запылали тотчас дома.

Готонам[5] какое дело до пленных?!
Их конунг[6] не тратит сил задарма:
первейшим из ратников соплеменных
оставлена Скандия[7] навсегда
для свеев[8], им также жалость чужда...
Теперь на земле племён дерзновенных,
как памятка всевозможным врагам —
встать каменным укреплённым постам.

v.

Вдоль правобережья Вистулы-реки

Радим вместе с Вяткой, презрев кривотолки,
уходят привычкам своим вопреки,
вернее, спасают былого осколки:
за ними на полдень спешат стар и млад,
для воинов это не лучший расклад...
Вот Буг. Не из праздности, как балаболки —
по делу собрался на сходе народ.
Все дружно решили идти на восход.

vi.

Кто знает, что дальше судьбой суждено...

Венедам же, тем, кто надумал остаться,
вождём славных ругов[9] провозглашено,
что он, Радегаст[10], не желает сдаваться.
И непримиримо сходились войска —
противостояние длилось века,
не выявив первых в искусстве сражаться...
Народным сказаниям нету числа,
в них память соперников пережила.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

i.

Чащобами от Вистулы-реки,
полесскими топями на восход,
где k Роси стекаются ручейки:
Радим вместе с Вяткой, с ними народ —
собратья, бегущие от готонов
и уничижений древних канонов,
различный люд из венедских племён,
собой преграждавший вражеский путь —
он выжил, остался не покорён...
А бит — так не в чем его упрекнуть!

ii.

Но только и скифо-сколотский мир
тревожен, ведь в лесостепях беда:
сарматы[11], устроив кровавый пир,
палят поселения, города —
в том пришлые орды крайне жестоки...
Как встарь, потекли невольничьи токи,
их в гаванях Понта[12] ждут корабли
и напоминания те грустны —
пред всеми исчезнувшими вдали
заведомо не искупить вины.

iii.

Повадки, когда степняк окрылён,
привычны для здешних мест с давних пор —
спешили в леса остатки племён,
коль им не хватало сил на отпор.
На Княжьей Горе[13] черно от пожаров:
не выстоял стольный град катиаров[14] —
не радует боевая страда...
Но только известна крепость Самбат[15] —
за нею леса, — спасаясь, туда
со всеми Радим и Вятко спешат.

iv.

И больше — ни пяди: о, Стырь, Горынь!
Угодья невридские тайн полны:
чужому вода горька как полынь,
чащобы безрадостны и мрачны.
Венеды ж, склоты, невры — едины,
у них впереди лихие годины...
Остался Радим на Соже-реке,
а Вятко людей повёл на восход
и место себе нашёл на Оке.
Тут важно, что всё-таки жив народ.

v.

Так слава когда-то чтимым богам,
помогшим спастись в лесах от врагов!
Так слава достопочтенным отцам,
водившим стезёй нелёгкой сынов!
Так слава бойцам прошедших сражений,
познавшим горнило лютых вторжений!
Об этом не забывай, каждый ген,
сопутствуя жизни наверняка!
И пусть будет край наш благословен
и ныне, и в будущие века!

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Скорее всего, имелись в виду переселенцы с запада, так как название ляхи (поляки) относится к более поздним временам, когда писались русские летописи.

2.

Венеды — праславянские племена, пришедшие на смену лужицким, и именуемые так античными авторами.

3.

Венедские воды (Венедский залив) — древнее название южной и юго-западной части Балтийского моря.

4.

Коданьск — древнее название города Гданьска; следы существования первых поселений на его территории датируются 2500–1700 гг. до н.э. Наименование Гданьск впервые упомянуто в 999 г. летописцем Святого Войтеха бенедиктинским монахом Яном Канапарьюшем в форме Gyddanyzc, происходящей от старославянского Gdaniesk (корень gd связан с «мокротой», «влажностью»).

5.

Готоны (позднее — готы) — германский племенной союз, вероятно, первоначально обитавший на территории Скандинавии.

Из «Гетики» Иордана:

«Так вот, готы помнят, что они некогда вышли вместе со своим королём по имени Бериг с этого острова Скандзы, словно [из] мастерской, [изготовляющей] народы, или же как будто [из] лона племён...»

6.

Ко́нунг — вождь племени, высший представитель родовой знати, военный предводитель у древних скандинавов.

7.

Скандия — древнее название Скандинавии.

8.

Свеи (свеоны, позднее — шведы) — германский племенной союз, вероятно, отвоевавший у других германских племён территорию нынешней Швеции.

9.

Руги (рании, раны, руяне) — жители острова Рюген (Рана, Руяна, Руян, Буян), венеды-мореходы.

10.

Радегаст — предположительно легендарный вождь праславян (венедов), ставший после смерти языческим богом, чьё изваяние находилось в Ретре (см. примечание 13 к «Сказу о Сварожиче»).

Из Е. А. Грушко и Ю. М. Медведева:

> «...Начали его (божество. — Авт.) именовать Радегастом, “ратным гостем”... Некогда Радегасту была принесена в жертву голова епископа Мекленбургского Иоанна, желавшего обратить славян-язычников в христианство».

11.

Сарматы — собирательное название ираноязычных кочевых племён, вытеснивших скифов из Северного Причерноморья, а праславянские племена из лесостепной полосы, в III–II вв. до н.э. В IV в.н.э. разгромлены гуннами.

12.

Имеется в виду Чёрное море (Понт Эвксинский).

13.

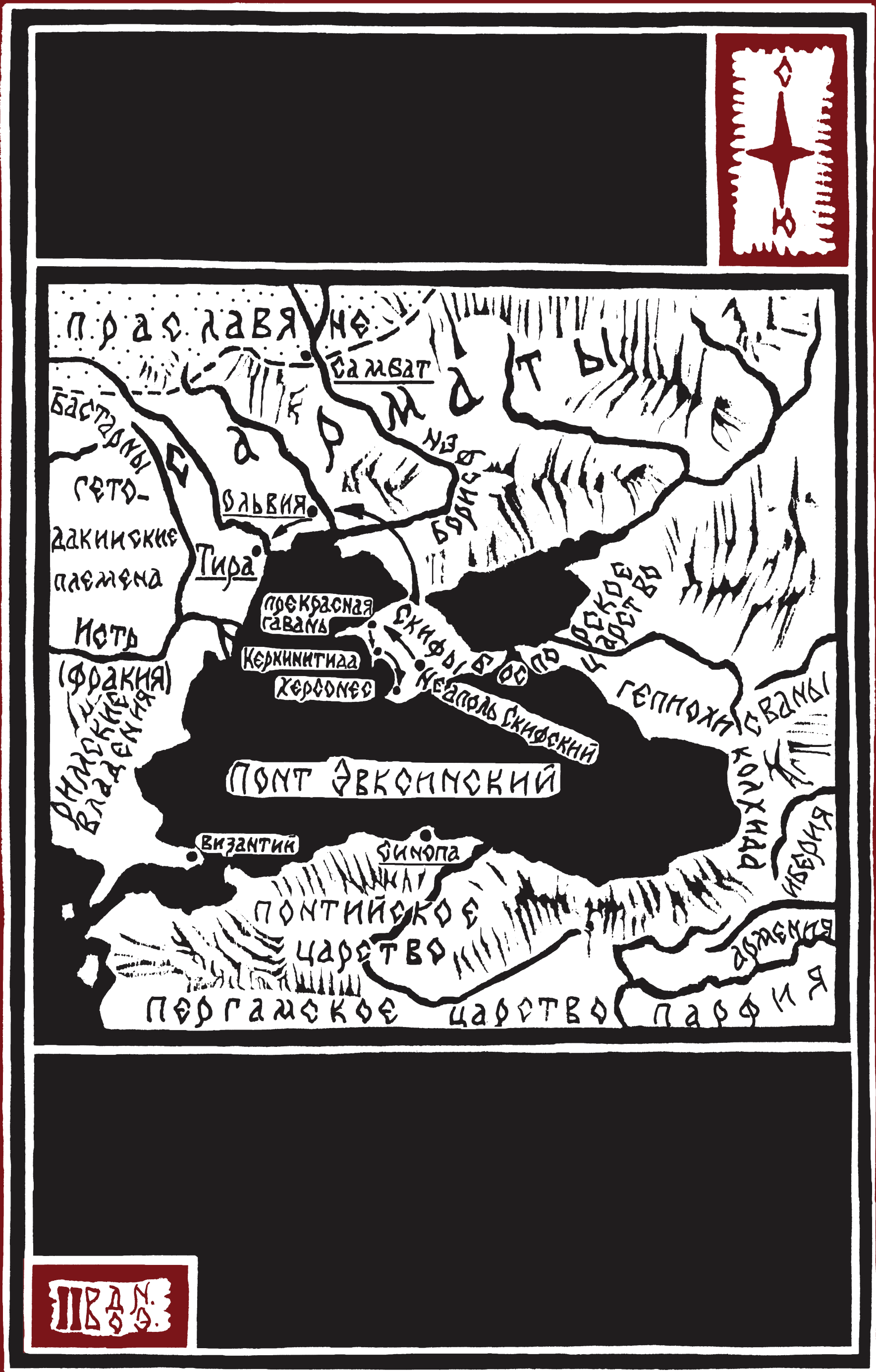
Княжья Гора (Родень) — праславянский град, находившийся близ впадения Роси в Днепр.

14.

Катиары — одно из племён сколотов (см. примечание 1 к «Сказу о сколотах»).

15.

Самбат — праславянская крепость, построенная в скифские времена на правобережье Днепра, на одном из холмов, что позже был назван Киевским. В V в.н.э. на этом месте возник «городок Кия» — Киев.



праславяне
Самбат
сарматы
бастарны
гето-дакийские племена
Ольвия
Тира
Борисфен
Исть
(Фракия)
Римские владения
Прекрасная гавань
Керкинитида
Херсонес
Скифы
Неаполь Скифский
Боспорское царство
гениохи
сваны
Колхида
Иберия
Понт Эвксинский
Византий
Синопа
Понтийское царство
Армения
Пергамское царство
Парфия

СКАЗ
О НОВОЙ СКИФИИ
и о временах
царя Скилура[1]

Будучи опустошаем варварами, этот город (Херсонес. — Авт.) **принуждён был взять себе покровителем Митридата Евпатора[2]... Митридат... стал воевать со скифами, бывшими тогда под властью Скилура...**

Страбон

i.

Как будто бы плоть рассекая мечом,
сарматы степями до Истра прошли.
И сразу молва зашумела о том,
что женщины — воины дикой земли[3]...
Но только в той выдумке кроется вред,
ведь Скифия слухами наводнена,
а Таврика переселенцев полна,
бежавших туда от свалившихся бед.

ii.

И переменился полуночный мир.
Был выстроен скифами каменный град —
Неаполь[4] — столица на речке Салгир:
предмет средоточия всяких услад;
приют соплеменников разноязычных,
бродячих философов и мудрецов,
разгульных поэтов и беглых рабов,
и жителей, к здешним порядкам привычных...

iii.

Шло время... В Неаполе новым царём
стал скифо-сколотский наследник Скилур.
Державой он бредил и ночью, и днём —
и в помыслах не допуская сумбур...
Эй вы, чужеземцы, торговцы рабами —
не спите, пред скорой смертельной игрой.
У Таврики есть вожделенный герой!
И вот его рать пыль вздымает клубами.

iv.

Очнулась, воспрянула духом страна:
и Тира[5], и Ольвия возвращены,
и часть Борисфена в низовьях вольна...
С врагами неистово бьются сыны,
потомки сородичей непобедимых —
в недавних столетиях сеявших страх, —
ещё имена их у всех на устах
среди протяжённостей необозримых.

v.

Идут побережьем войска неспроста,
по части военной здесь верен расчёт:
отрядами Керкинитида[6] взята,
теперь Херсонес[7] нападения ждёт...
И это не ново: в тех древних веках
за Таврику битвам греметь не впервой —
пробьёт и для Скифии час роковой,
лишь память о ней не развеется в прах!

ПРИМЕЧАНИЯ

1.
Скилур — скифский царь, живший во II в. до н.э. С ним связан период расцвета Скифского государства.

2.
Митридат VI Евпатор (132–63 гг. до н.э.) — царь Понтийского царства. Подавил восстание рабов под предводительством Савмака (107 г. до н.э.) в Боспорском царстве. Подчинил всё побережье Чёрного моря. В войнах с Римом был побеждён и покончил с собой.

3.
Имеются в виду савроматы — с III в. до н.э. их объединение с другими ираноязычными кочевыми племенами стало называться сарматами; согласно Геродоту произошли от мифических амазонок и скифских юношей. Известно, что в общественной жизни савроматов значительную роль играли женщины, которые наравне с мужчинами владели луком и мечом, управляли конём.

4.
Неаполь Скифский — столица Скифского государства в Крыму (III в. до н.э. – III в.н.э.), развалины около Симферополя.

5.
Тира — античный город на берегу Днестровского лимана, современный Белгород-Днестровский.

6.
Керкинитида — античный город на месте современной Евпатории.

7.
Херсонес — древний город; развалины на окраине современного Севастополя.

Саамские племена
Германцы
Янтарное море
Эстии
Летто-литовские племена
Германцы
Аркона
Ретра
Готоны
Пруссы
Вистула
Прославяне
Самбат
Бастарны
Кельты
Сарматы
Гето-дакийские племена
Римские владения
(Иллирия)
(Фракия)
Скифы
Понт Эвксинский
I в. д. н. э.

КРАТКИЙ СКАЗ
О ПРАСЛАВЯНАХ
и об исходе
готонов
из венедских земель

Мать, воспитывая детей, готовила их быть воинами и непримиримыми врагами тех людей, которые оскорбили её близких; ибо славяне, подобно другим народам языческим, стыдились забывать обиду.

Н. М. Карамзин

i.

Не годы — четыре столетья прошло.
Венеды с готонами бились не раз —
и только мужали всем бедам назло,
храня Радегаста призыв, как наказ.
И выросло племя героев на славу —
так, верно, вулкан бережёт свою лаву...
Возглавили рати: Всеслав, Вышеслав
(известно им в стычках с врагом наслажденье)
и юный Мстислав (хоть непрост его нрав —
давно отошёл он от детских забав,
готовя отечеству освобожденье).

ii.

Серьёзно за ратное дело взялись.
Готоны ж в сраженьях невзвидели свет.
Вожди их на сходе своём собрались —
нелёгкое вынес решенье совет...
В полесье часть племени вышла походом —
все канули в вечность, бродя год за годом!
Оттуда не выбрались уж никогда,
там странниками навсегда и остались.
Им выпала гибельная череда:
болота, чащобы, мошка, холода —
ни весточки, словно ни с кем не встречались.

iii.

Напрасно вестей дожидались от них,
ведь жил в тех краях непокорный народ...
И вот уже голос надежды затих —
тогда начался по Висту́ле исход[1].
На полдень стал двигаться к цели желанной[2]
обоз, окружённый заботой охранной.
Амалы и балты[3] без внутренних склок
упрямо преодолевают преграды:
засады, наскоки — противник жесток,
но вскоре ещё один сделан шажок.
И нету готонам ценнее награды.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Из Ф. И. Успенского:

- «Из первоначальных мест своего обитания у Балтийского моря они (готы. — Авт.) в конце II в. (160–170) двинулись к югу и произвели здесь перемещение народов Восточной Европы. Передвижение готов с севера на юг продолжалось, по крайней мере, 30 лет...»

Из «Гетики» Иордана:

- «Когда же так возросло большое множество народа и правил уже чуть ли не пятый король после Берига, Филимер, сын Гадарига, [у него] возник замысел двинуть войско готов вместе с семьями оттуда дальше. Пока он искал наиболее удобные места обитания и подходящие местности, пришёл в земли Скифии, которые называются на их языке Ойум».

2.

Из Б. А. Рыбакова:

- «В статье В. Н. Топорова (Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования 1982 г. М., 1983. — Авт.) очень интересно предположение, что под «желанной землёй» Ойум, куда стремились готы из Балтики, следует понимать дунайские гирла».

Из Б. А. Рыбакова:

- «Основные выводы исследовательницы (Буданова В. П. Готы в системе представлений римских и византийских авторов о варварских народах // КСИА. 1983. Вып. 178. — Авт.) таковы: первой волной готов были везеготы, направившиеся в конце II в. на Дунай и не заходившие восточнее Днестра. Остроготы продвинулись несколько позже, в первой половине III в. к Меотиде...»

3.

Амалы, балты — два самых могущественных готонских рода.

книга
легенд

Расстанная — улица,
как правило, ведущая
к захоронению или кладбищу.

Я ухожу всё дальше
по улице Расстанной.
Всё отчетливее
слышны
голоса отставших,
давно забытых
людей,
всё-таки не узнавших
(и потому
как бы замерших
в надежде тайной) –
а что же там?
А там –
ничего,
кроме дороги.

С
Ю
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ЗАП. ДВИНА
ВОЛГА
ВИСЛА
ДНЕПР
ОКА
ОДЕР
СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА
ПРИПЯТЬ
ДНЕСТР
РОСОМОНЫ
ГОТЫ
АНТЫ
ГОТЫ-ОСТГОТЫ
ВИЗИГОТЫ
ДУНАЙ
ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
IV в. н. э.

ЛЕГЕНДА
О ГЕРМАНАРИХЕ[1]

i.

О, конунг славнейший из рода амалов,
король остроготов[2], ты сделал немало —
в степном Приазовье нет равных тебе.
О, Германарих[3], счастливчик, судьбе,
значит, угодно, чтоб длился твой век...
Вот Винитарий, племянник внучатый,
вроде недавно — юнец прыщеватый,
ныне — воитель, почти что стратег,
в честь внука (плодись христианами, мир!)
гостей созывает на княжеский пир.

ii.

Средь лета жара над равнинным раздольем —
там, в полюшке, и происходит застолье:
гуляют лишь с вечера и до утра,
потом каждый спит под кровом шатра,
иль дремлет... Так миновало два дня.
Но кто вдалеке пылит на дороге
с той северной стороны, где Пороги[4],
где Днепр быстрее любого коня?
Чьи всадники сопровождают обоз?
Похоже, купцы — по всему «люди рос»[5].

iii.

Да, ясное дело, что росомоны!
Уже и хозяин неугомонный
спешит им навстречу — приветственный крик
несётся над полем. В ответ напрямик
два всадника мчат, направляясь к нему,
как будто участвуют в ярой погоне.
А встретились — топчутся рядом их кони...
— Привет, Винитарий! Тебе одному
мы искренне рады в здешних местах.
— Ах, Аммий... Ах, Сар... Друзья мои... Ах!

iv.

И солнце зашло. Смеркается. Готы —
продолжили пир. Их мысли вольготны,
разносятся тосты один за другим,
и лишь Германарих сидит нелюдим.
Он видел торговцев, приехавших днём, —
заботят его в связи с этим два брата
(здесь дело в минувшем — «мучения ада»)...
Они же, напротив, беспечны во всём:
то что-то горланят наперебой,
то смирно беседуют между собой.

v.

Была и сестра — Сунихильдою звали:
забудет о том Германарих едва ли —
он помнит, когда вдруг явилась она,
сказав, что от мужа принуждена
бежать... Винитарий её опекал...
Но вождь росомонов гонцу наказал
потребовать смерти беглянки-жены —
и верил: союзники долгу верны...
Вновь сердце заныло в порыве тревожном,
ведь то, что случилось, по сути, безбожно[6].

vi.

Довольно, чего горевать об итоге...
Багрянит заря облака на востоке.
Гостям по шатрам расходиться пора,
вот-вот должна воцариться жара.
Эх, ноченька третья, как ты коротка!
Забыто нелепое наваждение —
предчувствию найдено подтверждение:
из Крыма ударили исподтишка
свирепые гунны, кордоны разбив, —
вон конник оттуда едва-едва жив.

vii.

Судьба, что поделать, — обыденно, скучно
без этой затейницы — с ней неразлучна
(как ты ни крути, ни верти) наша жизнь:
сегодня король, а чуть позже держись —
неведомо! — всё может статься с тобой...
Хоть следует вывод весьма презабавный,
командует бойко амал достославный:
уверен он в силах своих (завтра бой).
Но конунгу плохо! Неистовый зной
туманит рассудок...
— Эй, кто предо мной?!

viii.

— Я, Аммий...
— Я, Сар...
Два кинжальных удара
пронзили героя — его поджидала
нелепая смерть. Знатный воин поник.
Мгновение — и повалился старик[7]...
О, как бы ты ни был от них отдалён,
почувствуй: их время коварно, жестоко,
в их время зуб за зуб и око за око —
закон росомонов и многих племён.
И полно. Пускай успокоится прах
случившегося в Приазовских степях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Событие, о котором идёт речь, произошло предположительно в 375 г.

2.

Остроготы (остготы, грейтунги) — германское племя, жившее в III–IV вв. в Приазовье и Крыму, восточная ветвь готов. В конце IV в. были вытеснены гуннами на запад.

3.

Имена героев данного произведения в «Гетике» Иордана имеют латинизированную форму: Hermanaricus, Vuinitharius, Ammius, Sarus, Sunihilda.

4.

Имеются в виду девять порогов на 75-километровом участке Днепра (между современными Днепропетровском и Запорожьем), ныне затопленные водохранилищем Днепровской ГЭС. Впервые об этом участке Днепра упоминает в V в. до н.э. Геродот.

5.

По версии, развитой Б. А. Рыбаковым: «...“Люди рос”... “росомоны” Иордана — обитатели как киево-русского региона, так и заселённого отсюда района днепровской луки и Порогов».

6.

Из «Гетики» Иордана:

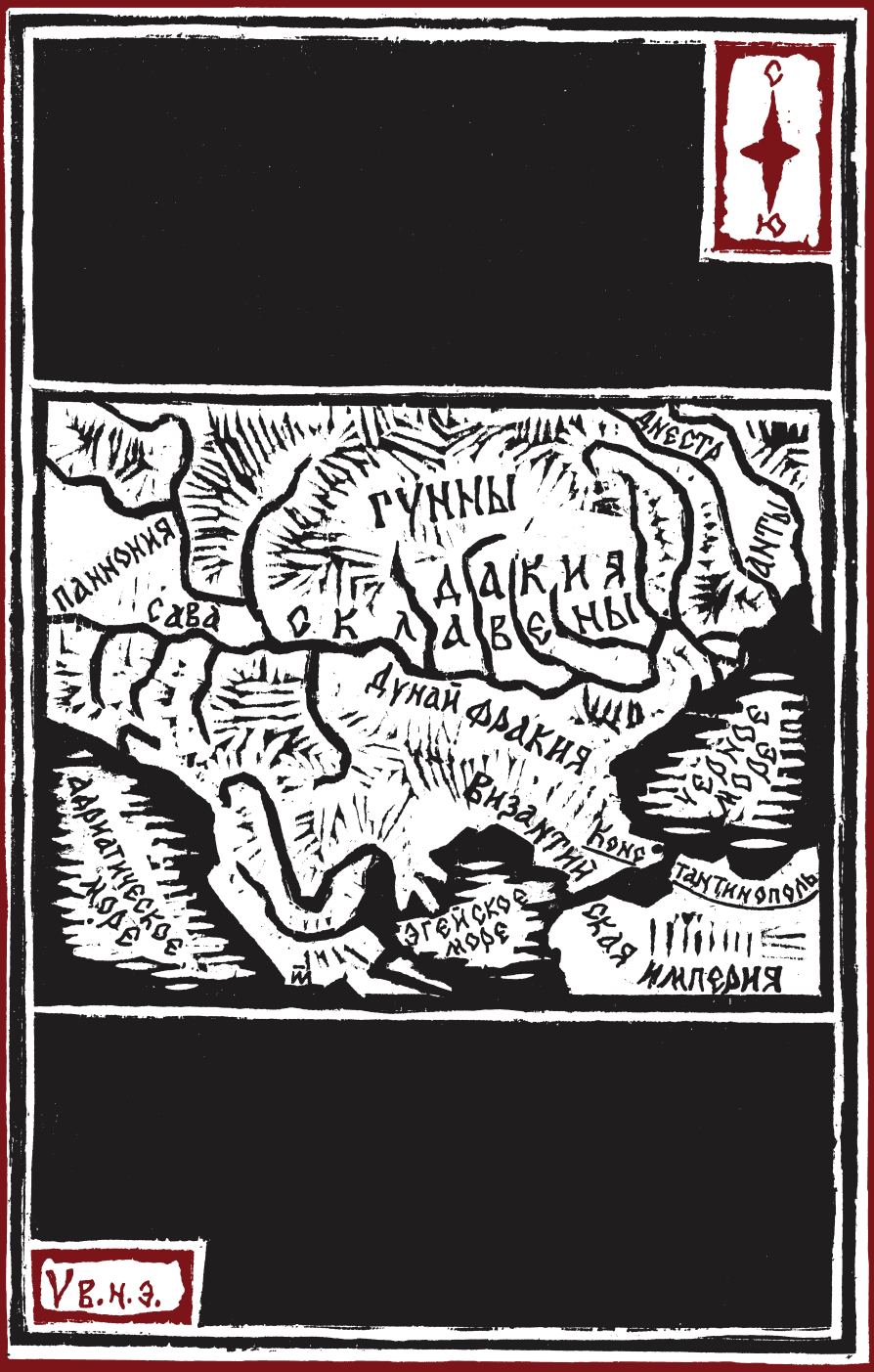
> «...Король (Германарих. — Авт.), движимый яростью, приказал некую женщину по имени Сунихильда из названного рода (росомоны. — Авт.) за коварный уход от мужа разорвать, привязав к свирепым лошадям и побудив [лошадей] бежать в разные стороны...»

7.

Из «Гетики» Иордана:

«Между тем Германарих... скончался на сто десятом году жизни».

Исследователи датируют смерть Германариха 375 г. Тогда по Иордану, сообщившему о смерти короля в 110-летнем возрасте, следует считать, что Германарих родился около 265 г.


С
Ю
ГУННЫ
ДАКИЯ
СКЛАВЕНЫ
ПАННОНИЯ
САВА
ДНЕСТР
АНТЫ
ДУНАЙ
ФРАКИЯ
ВИЗАНТИЙ
КОНС
ТАНТИНОПОЛЬ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
СКАЯ ИМПЕРИЯ
V в. н. э.

ЛЕГЕНДА

О ДЕНГИЗИКЕ И АНАГАСТЕ[1]

i.

Константинополь, ликуй и смейся!
Время расставило всё по местам:
знай — император земли ромейской[2]
высокомерен отныне к послам
сына Аттилы... Смотри — это так!
Их кавалькада бежит меж зевак,
сквозь беззастенчивый уличный гам.

ii.

Эх, Денгизик[3], как и братья твои,
ты унаследовал годное дело —
лет на пятнадцать назад посмотри...
Чувствуешь разницу? (Осиротело
войско у гуннов[4] со смертью отца.)
Можно ль равняться с великим Аттилой:
помнится, старший прослыл заводилой —
где он? — в Паннонии[5] прах молодца...
Ты же, предвидев бесславный финал,
в Дакию с перепугу бежал.

iii.

Чем не доволен ты, друг мой, теперь?
Вы обеспечены с братом Ернаком[6] —
хватит наследства и внукам, поверь...
Но размышления длятся под знаком
воспоминаний далёкого дня:
Константинополь напомнил об этом
высокомерным и наглым ответом,
невесть чего о себе возомня.
Стыдно?! И — пламенем ярким горит
константинопольский манускрипт.

iv.

Да, при Недао[7] случилась беда[8]...
И Анагаст[9] не забудет об этом:
много друзей потерял он тогда,
и не является вовсе секретом,
что с той поры на лице его шрам —
анты[10] дрались рядом с гуннами дружно,
и от германцев они малодушно
не удирали к Карпатским горам.
Он и теперь, Византии служа,
встал у дунайского рубежа.

v.

Фракии северная граница.
Там, в Подунавье, понятливый люд —
за вереницею вереница
в горы торопится... Бросив уют,
переселенцы уходят на юг
(только дурак иль чванливый битюг —
ждёт, когда гунны Дунай перейдут).

vi.

Ты возмужал, Денгизик, спору нет!
Ты не простишь Византии надменность —
хватит позором наполненных лет!
Время пришло. Наконец дерзновенность
крови отцовской взыграла в тебе...
И получается вроде бы ладно:
бьются с противником гунны нещадно.
И побеждают... Но в этой борьбе
не обозначен ещё Анагаст,
впрочем, ведь он на сюрпризы горазд.

vii.

Он во Фракийской земле командарм —
военачальник из племени антов,
только однажды изведавший срам:
бит под командою мнимых талантов.
Сын же Аттилы один из них — здесь,
нет и нужды представляться друг другу!
Вот Анагаст поправляет подпругу —
значит, пора... И разносится весть,
что Денгизик в окружение взят
(с ходу попался в одну из засад).

viii.

М-да, а кишка-то, как видно, тонка...
Ну и наследничков дал Бог Аттиле,
им не водить бы в сраженье войска,
а наслаждаться домашней идиллией
в знатных покоях... Тьфу, экая блажь!
Время наводит порядок умело:
тщетно, что молод, что действуешь смело,
что ощутил наконец-то кураж...
Поздно, друг мой! И тебе ли не знать —
кто-то ведь должен в бою проиграть.

ix.

Всё. И посыльный в Дакию мчится:
мёртв Денгизик — гибель стала молвой.
Всякому можно теперь глумиться
над отсечённой его головой[11].

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Событие, о котором идёт речь, произошло в период Дунайской войны 468–469 гг., по окончании которой «Империя гуннов» перестала существовать.

2.

Из Ф. И. Успенского:

«Известно, что сами обитатели Византийской империи не называли себя ни римлянами, ни эллинами или греками, а ромеями, так что Византийская империя официально носила наименование Ромейской».

3.

Денгизик — сын Аттилы, предводителя гуннов. (При Аттиле, скончавшемся в 453 г., гуннский союз племён достиг наивысшего могущества.)

4.

Гунны — кочевой народ, сложившийся во II–IV вв. в Приуралье из тюркоязычных хунну и местных угров и сарматов. Возглавили мощный союз племён, предпринимавший опустошительные походы во многие страны.

5.

Паннония, Дакия, Фракия — древние названия областей Центральной и Южной Европы.

6.

Ернак сделал на время местом своей ставки Бессарабию и не поддержал брата в его атаке на византийские владения.

7.

Недао (Недава) — река, которую можно отождествить с одним из мелких притоков Савы. Находится на территории современной Венгрии (Паннонии).

8.

В 454 г. в битве при Недао гунны во главе с сыном Аттилы Еллаком были разгромлены объединёнными германскими племенами.

9.

Из Г. В. Вернадского:

■ «...Командующий армией (византийской. — Авт.) во Фракии — Анагаст — был “скифом”, согласно свидетельству хроник. К пятому веку термин “скиф” стал довольно неточным, означая в целом северного варвара. Позднее он иногда употреблялся для обозначения славян. В этом смысле он, возможно, обозначал антов. Анагаст — типичное антское имя».

10.

Из «Гетики» Иордана:

■ «Анты же... там, где Понтийское (Чёрное. — Авт.) море делает дугу, простираются от Данастра (Днестр. — Авт.) вплоть до Данапра (Днепр. — Авт.). Эти реки удалены друг от друга на много переходов».

Из очерка В. В. Седова («Очерки истории культуры славян»):

■ «Эта культурно-племенная группировка (анты. — Авт.) отчётливо выделяется на юго-востоке раннесредневекового славянского мира, преимущественно между нижним Дунаем и Северским Донцом».

11.

Из Г. В. Вернадского:

■ «Анагаст послал голову хана (Денгизиха. — Авт.) в Константинополь, где её пронесли по главным улицам и потом закрепили на шесте в деревянном цирке».

С
Ю
СКЛАВЕНЫ
Днестр
Анты
Доростол
Сава
Далмация
Адриатическое море
Дунай
Черное море
Византийская империя
Константинополь
Греция
Эгейское море
Ионическое море
VI в. н. э.

ЛЕГЕНДА ОБ АРДАГАСТЕ[1]

i.

Как половодье-то разлилось...

Да уж твой нрав, славянская нация,
знают и Греция, и Далмация[2] —
всем на Балканах несладко пришлось —
с миром, а чаще с огнём и мечом
из Подунавья ты шла напролом.

ii.

Этой весной бездорожье — напасть...

Нынче во Фракии зыбкая власть.
Разве склавены[3] и анты забыли,
как за Дунай вновь отброшены были?
(Осенью много их здесь полегло.)
Не завершается миром такое!
Кроется что-то за этим другое —
видимо, время ещё не пришло.

iii.

«Нечего ждать, когда воды спадут...»

Возведена эта мысль в абсолют —
в Константинополь с восточной границы
тянутся воинские вереницы[4].
Далее путь их лежит на Дунай,
к северному рубежу Византии,
через дорожные перипетии,
только и знай — лошадей погоняй!

iv.

А на враждебной для них стороне
дни чередуются без потрясений,
разве что дети под солнцем весенним
стали шумнее в своей беготне.
Многоголосьем селенья полны —
радуйся, люд, наступленью весны!

v.

Только веселье — самообман...
Многим посыльным приказ уже дан —
звать на подмогу склавенов и антов:
не существует иных вариантов
после того, как пришло в Доростол[5]
сильное воинское подкрепленье.
(В крепости целое столпотворенье —
сразу понятно, к чему этот сбор.)

vi.

Ведь Ардагаста[6] тут не проведёшь!
Вряд ли кого поискусней найдёшь:
зорко следит за делами напротив,
передовые отряды утроив...
(Что б ни случилось на том берегу —
сразу разведка об этом доносит.)
Вождь начеку — и о помощи просит,
не полагая отпор дать врагу.

vii.

И не забыто: он — ант по отцу,
мать же из местного рода склавенов...
Зная закваску, сказать откровенно,
в курсе враги, каково удальцу
ждать за Дунаем удобной поры —
там, где горят боевые костры.

viii.

Ночь в напряжении, как струна,
лишь надоест — и прощай тишина...
Лязгнул металл, кто-то вскрикнул призывно,
и — началось тут... Но интуитивно
смог Ардагаст этот час угадать.
Он обманул неприятеля ловко:
лагерь, костры, силуэты — уловка.
Где же теперь ты, склавенская рать?

ix.

Неторопливо подкрался рассвет —
так на вопрос и не найден ответ...
Странные вещи кругом происходят:
в здешних селеньях людей не находят —
стала безлюдною вдруг сторона —
в ближних лесах схоронились, наверно,
впрочем, известно о том достоверно...
Ясное дело: война есть война.

x.

Нет, Ардагаст не сдавался врагу...
Он уже чует, что близко подмога,
и выжидать им придётся немного
(скверно, когда остаёшься в долгу).
Анты, склавены — ведут свой расчёт:
Константинополь, расплата грядёт!

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Событие, о котором идёт речь, произошло в начале Византийских кампаний против славян, в 592 г.

2.

Далмация — древнее название области в Южной Европе, на территории современных Хорватии и Черногории.

3.

Из очерка В. В. Седова («Очерки истории культуры славян»):

С(k)лавены — «...культурно-племенная группировка раннесредневекового славянства... Географическими координатами расселения рассматриваемой группировки славян по Иордану являются река Сава на западе, Висла — на севере, Днестр — на востоке... Установлено, что -k- в написании этого этнонима вставное и, таким образом, это первое упоминание славян в письменных источниках под своим именем. Правда, источники имеют в виду здесь не весь славянский мир раннего Средневековья, а лишь его крупную племенную группировку. Но остаётся несомненным, что в отличие от венедов или антов это самоназвание славян».

4.

Из Г. В. Вернадского:

«Как только война с Персией закончилась и мирный договор с шахом был подписан (591 г.), у Маврикия (византийский император. — Авт.) появилась возможность получше уладить дела на Балканах».

5.

Доростол (Дристр) — древнеримская крепость на правом берегу Дуная; в настоящее время Силистра, город и порт в Болгарии.

6.

Из Г. В. Вернадского:

«Славяне, против которых воевал Приск, в источниках называются склавенами... Имя славянского князя, главного противника Приска, как это отмечено в источниках, было Ардагаст... скорее антское...»

С
Ю
Северное море
Нодлиуды
Эльба
Ободриты
Вильцы
Одер
Венеды
Саксония
Рейн
Тюрингия
Сорбы
Франкское
Париж
Вогастисбурк
Чехия
Моравия
Словакия
Сан
Бавария
Дунай
Государство
Паннония
Авары
Италия
VII в. н. э.

ЛЕГЕНДА
О САМО[1]

i.

Недолог для жителей век на Земле —
все смертны. И даже князья в их числе...
За крепостною стеной суета:
посланцы едут и едут сюда.
А в опочивальне царит полумрак —
жизнь еле заметна. Но это не так...

ii.

Не правда, что Само[2] забылся во сне:
гарцует по-прежнему на скакуне!
Вот в Сансе[3], у франков[4] — торопит купцов:
доставить оружье венедам[5] готов
(в купеческом деле он — первый знаток).
И вскорости вышел обоз на восток,
в Моравию[6] путь их неблизкий лежит.
Ах, молодость! Песни да цокот копыт...
Преграды, опасности — всё по зубам
рубакам, затейникам и ловкачам.

iii.

Не ради наживы живёт человек...
Венеды отбили аварский[7] набег.
И Само с друзьями был тоже в боях —
соратники гибли в далёких краях,
пока не отхлынул в Паннонию враг.
Для всех нынче Само не просто вожак —
он славен: слагаются песни о нём —
в венедских селеньях с ним каждый знаком.
Тогда и решили на сходе вожди:
другого-то князя — попробуй найди!

iv.

И князь улыбнулся окутавшей мгле —
что́ может быть лучше на этой Земле:
верны ему вкупе двенадцать племён;
прелестны двенадцать молоденьких жён,
где каждая — дочь одного из вождей
(похвальна традиция здешних людей!);
к тому же идут отовсюду послы,
с почтением он принимает хвалы —
и строят мосты, и оружье куют,
и вверенные рубежи стерегут[8].

v.

В столице по-прежнему суета:
посланцы всё прибывают сюда.
А в опочивальне царит полумрак —
жизнь еле заметна. Но это не так...

vi.

Сихарий — вдруг вспомнилось имя посла,
чья речь оказалась чрезмерно смела...
Его повелитель, король Дагоберт[9],
навряд ли напутствовал истинный бред:
грабёж ведь случился совсем неспроста —
к чему тут неверие наше в Христа[10]?
«Ну, хватит! Вы Богу по-рабски верны,
мы ж — псы, и кусать беспрестанно должны
любого, кто действует против Него», —
так Само сказал в завершенье всего.

vii.

Задело: обиделись франки?! Позволь,
а как христианством кичился король...
Вот в Чехию[11] вторгся с отрядом своим —
наверно, уверен, что непобедим;
но Само предвидел такие шаги —
разбиты под Вогастисбурком[12] враги...
Нет худа, говаривают, без добра —
судьба на такое бывает щедра —
в конечном итоге род сорбов[13] примкнул,
при этом неважен звучавший посул.

viii.

Проходят недели, проходят лета —
у Само в привычку вошла суета...
Он чуткий наставник своих сыновей —
не князь он, а некий лесной муравей:
где надо — былинку на гору несёт,
где надо — охрану владений ведёт...
Да, кстати: сынов у него — двадцать два;
и дочек — пятнадцать. (Всё без хвастовства.)
Он княжит уже тридцать пятый годок —
тут в целом прожить бы означенный срок!

ix.

А в опочивальне покой, полумрак —
там жизни не слышно: источник иссяк.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

События, о которых здесь идёт речь, произошли в период 623 –около 660 гг.

2.

Са́мо — славянский князь, основатель первого политического объединения западных и части южных славян (территории Чехии, Моравии, Словакии, земли лужицких сербов, отчасти словенцев и хорватов).

Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):

> «Этническая принадлежность Само издавна вызывает споры... Гипотеза о том, что он был романизированным кельтом, галлоримлянином, представляется пока наиболее обоснованной... И всё же вопрос остаётся открытым».

3.

Санс — город во Франции, на Нижней Йонне, к юго-востоку от Парижа.

4.

Франки — группа германских племён, живших в III в. по Нижнему и Среднему Рейну. В конце V – начале VI в. завоевали Галлию, образовав Франкское государство.

5.

Венеды (венеты) — имеются в виду славяне с центром обитания в Повисленье.

Из «Гетики» Иордана:

> «У их (Карпаты. — Авт.) левой стороны, которая склоняется к северу, от истока реки Вистулы (Висла. — Авт.) на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они всё же называются славянами и антами».

Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):

- «К началу VII в. этноним Venedi в разных его написаниях (Venetii, Winedi, Winidi и т.п.) уже утвердился в латинской литературе Запада как обозначение славян. По-видимому, он был более употребителен в обыденной, разговорной речи, тогда как термин Sclavi принадлежал скорее миру книжной учёности».

6.

Моравия — историческая область в Чехии.

Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):

- «Где жили славяне, к которым отправился Само и которые затем «избрали его над собой королём», точно установить невозможно. Ясно, что речь идёт о пограничье Аварской державы, открытом для аварских набегов и для славяно-аварских культурных взаимовлияний, но не находившемся в начале VII в. под прочным контролем хагана. Как свидетельствует археология, такими областями могли быть тогда Южная Моравия, прилегающие к ней районы Нижней Австрии и Юго-Западная Словакия».

7.

Авары (обры) — племенной союз, главным образом тюркоязычных племён. Совершали набеги на славян, франков, Византию. В VI в. образовали в бассейне Дуная государственное объединение, с политическим и религиозным центром в Паннонии.

8.

Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):

- «...Обширная "держава" Само представляла собой, очевидно, временную конфедерацию славянских племён, вступивших тогда в борьбу с аварами (войны велись до 630 г. — Авт.), причём границы этой конфедерации были подвижны, могли изменяться: одни племена отпадали, другие присоединялись (как сорбы в 631/632 г.)».

Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):

■ «Обширная антиаварская конфедерация многих племён не могла быть прочной и после смерти Само (около 660 г.), скорее всего, распалась: дальнейших известий о ней нет. Ни социальные, ни политические предпосылки для возникновения у славян в Среднем Подунавье устойчивого государства в VII в. ещё не сложились».

9.

Дагоберт I — франкский король из династии Меровингов, правил в 629–639 гг.

10.

Из так называемой «Хроники Фредегара»:

■ «В тот год (631/632. — Авт.) славяне, именуемые винидами, в королевстве Само в большом множестве убили франкских купцов и разграбили [их] добро... (Из дальнейшего текста следует, что нападению на купцов уже предшествовал какой-то иной конфликт между сторонами. — Авт.) Сихарий, как неразумный посол, произнёс слова осуждения, которые [ему] не было поручено говорить, и угрозы против Само... Сихарий сказал (в частности. — Авт.): “Невозможно, чтобы христиане и рабы Божьи могли установить дружбу с псами”».

Уподобление язычников псам восходит к евангельской аллегории «бросить хлеб псам» и ряду других новозаветных текстов.

11.

Чехия — имеется в виду Богемия, название территории в бассейнах реки Лаба и её притока Влтавы.

12.

Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):

■ «...Вогастисбурк был стратегически важным пунктом, прикрывавшим резиденцию Само с запада... Проведённые Бубеником раскопки славянского городища VII–X вв.

на горе Рубин у Подборжан в Северо-Западной Чехии дали серьёзные основания полагать, что там и находилась знаменитая крепость. Эта гипотеза пока наиболее предпочтительна...»

13.

Сорбы (лужицкие сербы, лужичане) — группа славян, пришедших с юго-востока и образовавших территориально-этническую общность на рубеже VI–VII вв. в южной части междуречья Эльбы и Заале, между Средней Заале и Средней Мульде.

С
Ю
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
НОРДЛИУДЫ
РЕРИК (ВЕЛИГРАД)
ГАМБУРГ
ОБОДРИТЫ
БАРДОВИК
ЭЛЬБА
ВИЛЬЦЫ
РЕЙН
САКСОНИЯ
ФРАНКСКОЕ
ТЮРИНГИЯ
СОРБЫ
АХЕН
ГОСУДАРСТВО
БАВАРИЯ
ЧЕХИЯ
VIII в. н.э.

ЛЕГЕНДА
О КАРЛЕ ВЕЛИКОМ И ДРАЖКО

i.

На улицах Ахена[2] столпотворенье:
оружия лязг, конский топот и гвалт.
Над всем словно псиной пропахшим скопленьем
скабрёзные шутки и хохот звучат.
Карл[3] снова войною на саксов[4] идёт —
в победе уверены все наперёд:
такое случалось — припомнить приятно —
топтали Саксонию неоднократно!

ii.

Саксонская вольность — прескверное дело:
одно беспокойство — крести не крести,
а всё же язычество прёт оголтело;
повсюду крамола — другого не жди.
Грабёж ли, пожар ли — им что́ за напасть,
ведь франков они не считают за власть:
лишь раны залечат, и вот уже снова
у знати саксонской мятеж обоснован.

iii.

Но Карл не простак — вместе с войском в походе
огнём и мечом усмиряет врагов.
Порядок известен в его обиходе —
любому воздать по заслугам готов.
И шлёт к ободритам[5], за Эльбу, посла —
нордлиудов[6] просит он выжечь дотла,
покуда Саксонию опустошает.
И этот порыв уваженье внушает.

iv.

Известно, что вождь ободритов с ним дружен...
Бурлит, собираясь в поход, Велиград[7]:
здесь повод особый и вовсе не нужен,
здесь давние счёты свести каждый рад —
в привычку с соседями повоевать...
Вновь Дражко[8] на запад ведёт свою рать —
соратники тоже полны возмущенья —
нордлиудам не миновать укрощенья!

v.

Ох, саксам за Эльбой приходится туго —
горят их селения и города...
Пускай же вторженье послужит наукой,
пускай не забудут о том никогда —
отныне и до окончанья веков
запомнят, порядок на свете каков...
Глупцы, им соперничать с нынешней силой,
что карлику мериться ростом с верзилой.

vi.

Всё кончено. Дражко итогом доволен...
(С чего бы ему недовольным-то быть?)
В минувших сражениях враг обескровлен —
тут быстро проходит саксонская прыть!
Карл тоже с противником сладил легко.
Он с войском от Гамбурга недалеко —
и Дражко с дружиной на пир приглашает.
И это опять уваженье внушает.

vii.

Хоть, коль разобраться, престранна их дружба —
союз у язычников и христиан,
но франкам содействовать вовсе не служба,
здесь Дражко доверился, как мальчуган...
Карл знает о расположенье к себе —
он старше, вдобавок он чуток к судьбе:
его колонисты в славянских пределах[9]
недаром пекутся о миссионерах...

viii.

Когда христианство[10] внедрялось в Европе,
среди разобщённых полабских племён —
тогда-то вот, как в материнской утробе,
в дали поднепровской и был зарождён
тот самый союз под названием Русь[11].
Кто хочет — пусть спорит, а я обойдусь...
Я верен сколото-славянскому роду.
Я внутренне чувствую эту породу.

ПРИ[redacted]МЕЧАНИЯ

1. [redacted]Событие, о котором идёт речь, произошло в 798 г.

2. [redacted]Ахен — город в Германии, в конце VIII – начале IX в. главная резиденция Карла Великого.

3. [redacted]Карл Великий (742–814) — франкский король с 768 г., с 800 г. император. Его завоевания (в 773–774 гг. Лангобардского королевства в Италии, в 772–804 гг. области саксов и др.) привели к образованию обширной империи. Политика Карла Великого (покровительство церкви, судебные и военные реформы и др.) содействовала формированию феодальных отношений в Западной Европе. Империя Карла Великого распалась вскоре после его смерти, в 843 г.

4. [redacted]Саксы — группа германских племён, живших между нижними течениями рек Рейн и Эльба. В V–VI вв. часть саксов участвовала в англо-саксонском завоевании Британии. Материковые саксы в 772–804 гг. завоёваны франками.

5. [redacted]Ободриты (бодричи) — в VIII–XII вв. союз племён полабских славян в нижнем течении Лабы (Эльбы), а также племя, возглавлявшее этот союз.

6. [redacted]Нордлиуды — имеются в виду трансальбинские саксы, жившие к северу от Эльбы.

7. [redacted]Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):

■ «Политическим центром ободритов — резиденцией их верховного правителя... был, как предполагается, обширный и хорошо укреплённый уже в VII в. град, который славяне называли Велиград, а датчане Рерик (обычно локализуется в Мехлин-Мекленбурге близ Висмарской бухты) и который был центром оживлённых политических и торговых связей ободритских племён со Скандинавией».

8.

Дражко — князь ободритов (795(?)–809 гг.).

9.

Из Ф. И. Успенского:

■ «Перешагнув Эльбу и основав на правом берегу её немецкие поселения, Карл и его приемники стали непосредственно влиять на раздробленные и враждующие между собой славянские колена. Этим указан был верный путь к политическому и духовному порабощению славян полабских. Последующая история этой народности если не исчерпывается, то может характеризоваться девизом: беспрерывная неравная борьба с немцами».

10.

Имеется в виду католицизм.

11.

Из Б. А. Рыбакова:

■ «Это понятие («Русь». — Авт.) родилось в VI в.н.э. и обозначало антское (славянское) население Среднего Поднепровья... На протяжении VII–VIII вв. быстро растёт союз племенных союзов — Русь с центром в Киеве. В Восточной Европе Русь создаёт славянскую державу, не уступающую по своему пространству варварским королевствам Западной Европы... Примерно к VIII–IX вв., по сведениям ранних источников, в структуре и деятельности Руси ощущается государственное начало».

P.S.
ПРЕД
НАЧЕРТАНИЕ
Венок
сонетов

i.

А что познанье — суета!
Глуп всякий, кто в упрямстве яром
на это тратит время даром —
ведь, как известно, жизнь проста.

Доходы — зримый плод труда —
вот что должно быть идеалом
во всяком деле (даже в малом):
всё остальное — ерунда.

Но если чуткая душа
глуха к размерам барыша?
Ей скучно при таком укладе.

Что ж, в этом тоже есть резон…
Гармония — цель всех времён!
(К примеру, в древности, в Элладе.)

ii.

К примеру, в древности, в Элладе —
Перикла вспомним времена —
там, при определённом взгляде,
суть поразительно стройна.

Ещё о славном демократе:
средь прочих есть одна вина —
на нём и на его плеяде
Пелопоннесская война.

У греков был культурный пик.
(Как хочется сравнить тот миг
с победой на олимпиаде!)

Да, их прогрессу вышел срок.
И, зачиная эпилог,
никто не думал о расплате.

iii.

Никто не думал о расплате.
Судьбы не знаешь наперёд —
так стрелка задаёт черёд,
командуя на циферблате.

Секунда. И уже в разладе
с тобою белый свет живёт:
всё станет задом наперёд,
а ты останешься внакладе.

Из года в год, из века в век
с природой спорит человек —
дерзит. И это не беда —

всего лишь робкое предвестье:
эпохи варварства — возмездье
за окрылённые года!

iv.

За окрылённые года
издревле воздают с лихвой.
Припомни только — мир всегда
не разделим с людской молвой —

никто, нигде и никогда
не удержал порядок свой:
полузабыты города,
руины поросли травой.

А, скажем, римлянин иль гот,
мечом верша переворот,
в учении не знал стыда.

И продолжался путь познанья…
Стоп! Тут пора напоминанья:
всё блажь — дорога в никуда.

V.

Всё блажь — дорога в никуда:
действительность всегда реальна —
хоть истина и тривиальна,
да нету от неё вреда.

К чему ученья маета,
когда известно изначально —
жизнь развивается фатально.
(И надо думать — неспроста!)

Над смыслом стоит ли корпеть?
Над фолиантами сидеть
возможно только скуки ради.

Пора бы всем понять давно:
учён иль неуч всё равно —
всё тленно при любом раскладе.

VI.

Всё тленно при любом раскладе —
смерть, вызывая на порог,
не станет чваниться в обряде,
а просто подведёт итог.

И даже девственник в квадрате,
неумолимый, как пророк,
сродни погрязшему в разврате,
ей-ей, окажется — дай срок!

Так для чего себя терзать
и с видом знатока болтать
об эфемерном личном вкладе?

Во что?! Ты — червь… Ты — немота…
Но интересная черта
есть в незабвенном постулате.

vii.

Есть в незабвенном постулате,
пробившемся через века,
та заповедная строка,
где сказано о нашем брате

(отчасти всё же азиате)…
Итак, живи наверняка
в пределах своего мирка,
подобно божеству в окладе.

Но знай — придёт священный час:
земля, где ты скотину пас,
вдруг оскудеет — и тогда

война… И это не секрет.
А у войны один завет —
разительная прямота.

viii.

Разительная прямота
набегов кочевых племён
всегда немыслимо люта —
в резне степняк был изощрён…

Европа что — не им чета:
не лезли люди на рожон,
в лесные уходя места
и создавая там кордон.

Так повторялось много раз
и утвердилось как наказ
отцов — менялись только сроки.

И вот, привычкам всем назло,
не благоденствие пришло,
но лишь подобие мороки.

IX.

Но лишь подобие мороки
смешенье нравов принесло —
особенно не повезло
славянам у восточной кромки.

К чему теперь искать обломки —
быльём былое поросло:
уж в прошлом сколько вех прошло
и исказилось в поволоке…

А выходец из диких орд
привык и зажил вперевёрт —
не будем же к нему столь строги —

осел он там, где мы живём:
смешались нации потом —
в предощущении дороги.

X.

В предощущении дороги
в Европе сотни лет назад
сроднились, позабыв упрёки,
абориген и азиат.

И до сих пор, минуя склоки,
традиционно наугад
живут они без подоплёки
от Приуралья до Карпат.

Чужим загадочен их путь.
А нам самим ясна ли суть?
Блажим: то брань, то похвальба —

фантазиям не знаем меры…
Хотя видение химеры
пройдёт — и ты поймёшь себя.

xi.

Пройдёт — и ты поймёшь себя…
И всё-таки кто даст ответ,
есть толк в познанье или нет?
Без меры длится ворожба,

а в результате стыдоба:
из разных мыслей винегрет —
уж это вовсе не секрет.
Одно название — судьба.

Но благотворный свет прольётся —
как испокон веков ведётся —
он примирит и обнадёжит,

и смысл подарит… (Не фетиш!)
Проникнувшись, ты всё простишь
и предков оправдаешь тоже.

xii.

И предков оправдаешь тоже —
их скудный быт, их дикий нрав
зачтёшь как должное… И что же,
кто за познание — тот прав?

Конечно! И не уничтожит
несметность вторгшихся орав,
что человек веками множит
не для бессмысленных забав.

Да, только верится с трудом.
Взглянуть внимательней кругом —
сомненье тотчас огорошит:

везде разор и нищета…
Не то! Поймёшь, в чём правота,
ты, каждый день начав итожить.

xiii.

Ты, каждый день начав итожить,
всем сердцем прикипишь к труду,
и позабудешь про нужду,
и перестанешь плоть тревожить.

Как много нужно уничтожить
пороков, чтобы пустоту
душевную на полноту
сменить — и жизнь не покорёжить!

Оно всё так, когда б не стыд:
ты должен быть и пьян, и сыт —
иначе, не поняв, тебя

сочтут за вечное дитя.
Кто спорит! Меру обретя,
познаешь радость бытия.

xiv.

Познаешь радость бытия
лишь в гармоничном сочетанье:
душа и плоть даны не зря —
у них одно предначертанье.

Ему-то и благодаря
мы существуем в мирозданье
как самобытная семья —
другим, возможно, в назиданье.

Ну это ты, браток, хватил —
такое здесь нагородил.
(Нелепица, белиберда!)

Откуда эта дерзновенность?!
Жизнь — вот единственная ценность!
А что познанье — суета.

XV.

А что познанье — суета!
К примеру, в древности, в Элладе
никто не думал о расплате
за окрылённые года.

Всё блажь — дорога в никуда:
всё тленно при любом раскладе.
(Есть в незабвенном постулате
разительная прямота!)

Но лишь подобие мороки
в предощущении дороги
пройдёт — и ты поймёшь себя.

И предков оправдаешь тоже.
Ты, каждый день начав итожить,
познаешь радость бытия.

НЕ ОБОЙДЁМСЯ

Кто хочет, пусть спорит, а я обойдусь.
Сергей Телюк

В первый год Великой Отечественной войны в свердловской эвакуации, в переполненном беженцами первом классе, учительница преподала нам урок из истории родной страны. Записала на доске аршинными буквами: «Урарту».

Господи, какое «Урарту»? Где его искать, это «Урарту»? Как связать его с Москвой, откуда мы уехали, с Ленинградом, где учительница чудом спаслась от гитлеровской бомбардировки, со Свердловском, который нас приютил? Явилось и объяснение: Урарту — древнейшее государство, случившееся на территории Советского Союза, и значит, наша Родина.

За четыре года Советский Союз отстоял себя от фашистского нашествия. Ещё через сорок лет — распался. «Урарту» перестало быть актуальным. Дюжина обрётших независимость государств принялась писать свои собственные истории, каждая — от своей точки отсчёта. Мог ли я в свои семь лет представить себе, что эта «морока», эта стая «химер», эта «дорога, ведущая в никуда», — станет головной болью у поколения наших детей?

Сергей Телюк — как раз из этого поколения.

Собирая сказы и легенды в целостное «Предчувствие Руси», Сергей Телюк решил сохранить ссылки. И посочувствовал читателю, которому после порции стихов придётся прогрызать абракадабру комментариев. Ничего не поделаешь, другого пути нет, — улыбнулся поэт.

Есть чему улыбнуться.

Дерутся беспощадно и втёмную племена, роды, армии, ополчения... Поэт через тьму тысячелетий всматривается в эту катавасию, и вдруг его (и меня, его читателя) окатывает, как горячим душем в знобящей тьме, мысль о том, что мы наследуем им всем, что в древних междоусобиях ковалось общее достояние, и не границы государств держали эту круговерть в пределах вечно меняющейся логики — а меняющаяся от погоды граница леса и степи, извилистые берега рек, где русла то непереходимы, то, напротив, зазывающи, и гость ли, враг ли идёт через брод, не угадаешь.

Скорее всего — враг. Который потом может стать другом. А может не стать. Граница, как правило, — «ботаническая». Лес — степь. Граница, может быть, станет линией фронта. А может, не станет.

«Повадки, когда степняк окрылён, привычны для здешних мест с давних пор — спешили в леса остатки племён, коль им не хватало сил на отпор».

Так чащоба — спасение? Вовсе нет.

«Болота, чащобы, мошка, холода — ни весточки, словно ни с кем не встречались...»

Так с кем душа? С кем из дальних предтеч она встречается?

Память — дочь порядка. Хорошо, если анты окажутся у рубежа Византии и попадут в какой-нибудь «константинопольский манускрипт», — вот тогда и память сохранится в той степени, в какой обнаружится в этой буче «порядок».

А опора?

«...Тот самый союз под названием Русь. Кто хочет — пусть спорит, а я обойдусь... Я верен сколото-славянскому роду. Я внутренне чувствую эту породу».

Вот именно. На породу и пращуры наши уповали.

«...И князь улыбнулся окутавшей мгле — что́ может быть лучше на этой Земле: верны ему вкупе двенадцать племён; прелестны двенадцать молоденьких жён, где каждая — дочь одного из вождей (похвальна традиция здешних людей!)...»

Оставим князю его двенадцать жён — традиция есть традиция, и, вернувшись к современному поэту, воздадим должное его Единственной.

Я имею в виду художницу Ирину Телюк, чьи ксилографические иллюстрации к сказам и легендам о Руси Праславянской замечательно выявляют их дух и смысл со своей, изобразительной стороны. Мускулистый штрих. Мощные и вместе с тем по-своему изящные фигуры ритмично заполняют площадь листа. Динамика противоборства не разрушает, а напротив, подкрепляет единую драму, единое действие, единый смысл происходящего. Независимо от того, сшибаются ли люди в смертном поединке или набегают (отбегают) в дружном строю. Независимо от того, кто там «свой», а кто «чужой», ибо лица людей даны лаконично, и все они — участники единой драмы. Независимо от того, «чья возьмёт».

И если павшего погребают, образ его, светящийся во мраке, отлетает ввысь, храня то «предощущение дороги», без которого в этой фатальной закольцованности судеб — не обойтись.

Светлая память Ирине Телюк.

Сил и новых трудов Сергею Телюку!

Лев Аннинский

СОДЕРЖАНИЕ

СКАЗЫ О ПРАСЛАВЯНАХ

Сказ о Сварожиче,
праславянском герое, и о его подвиге
9

Сказ о сколотах, праславянском народе,
и об их противостоянии скифам
17

Сказ о Невриде, праславянском крае,
и о гибели скифского царя Арианты
29

Ольвийский сказ,
повествующий о скифском царе Скиле
35

Сказ о Зопирионе,
полководце Александра Македонского,
и о гибели его войска
41

Сказ о Радиме и Вятке,
повествующий о готонском
и сарматском нашествиях
47

Сказ о новой Скифии
и о временах царя Скилура
57

Краткий сказ о праславянах
и об исходе готонов из венедских земель
63

КНИГА ЛЕГЕНД

Легенда о Германарихе
73

Легенда о Денгизиĸе и Анагасте
81

Легенда об Ардагасте
89

Легенда о Само
97

Легенда о Карле Великом и Дражĸо
107

P.S.

ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ

Венок сонетов
115

Лев Аннинский

НЕ ОБОЙДЁМСЯ

Вместо
послесловия
125